
ПИОНЕР
21
двухнедельный
детский
журнал
1925
П-29
34

Просим ответить

Вопрос

8. Почему в журнале «Пионер» не дается понятий об авиации и почему фотогазета не выходит в красках.

Пионер **Просвиркин** г. Оренбург.

Ответ

8. Небольшие понятия об авиации давались, будут даны еще; особенно много, конечно, в журнал дать нельзя. Фотогазета сейчас не выходит в красках благодаря тому, что очень дорого.

Вопросы

9. Если коллектив (отряд) принимает беспризорного, то он должен быть дисциплинирован, или же исправляется в отряде.

10. Может ли пионер-комсомолец иметь право решающего голоса в отряде.

Гр. Костюков (Богучар, Воронеж. г.).

Ответы

9. Прежде чем беспризорник даст обещание, он должен быть подготовлен в пионеры совсем, как следует; до этого пусть ходит в отряд и работает.

10. Пионер-комсомолец имеет право голоса в отряде так же, как остальные пионеры, а комсомолец имеет право совещательного голоса.

Вопрос

13. Пионера исключают из отряда; постановление совета отряда исключить, а отрядного сбора—оставить. Какое постановление принимается?

КИМ (г. Аткарск).

Ответ

13. Постановление отрядного сбора есть решающее. Совет отряда предлагает свое постановление, а отряд может согласиться, а может и не согласиться. В исключительных случаях дело передается на рассмотрение комсомола (например, в отряде сильна группа бузотеров, имеет большинство, и отрядный сбор играет под их дудку).

Вопрос

14. Можно ли пионеру пудриться и мазаться, употреблять «Метаморфозу».

Георгий Чижов, ст. Жудиково, Брянск. губ.

Ответ

14. Зачем все это? Если для гигиены, то средства эти действуют как-раз наоборот - засоряются поры кожи, и лицо портится. Самое лучшее—следи, чтобы лицо было чисто, насухо вытирай его, спи на чистой наволочке. Цвет лица зависит от общего здоровья.

Кому какие нравятся значки и почему.

За значок художника Чехонина (первый слева) высказалось 12 ребят.

Вот что они пишут:

„Я и наши ребята большинством присоединяемся к значку работы художника Чехонина (верхний налево), т. к. он отвечает всем требованиям пионерского значка: знамя серп и молот, костер и мавзолей.

Если мы посмотрим значки Мадоровых, мы на них не найдем костра; нет его и на другом значке Чехонина. Значок работы худ. Иванова мрачен и не очень красив. Хороший значок, это—значок работы Чехонина.

В. КАЛФАЯН

Г. Белая Калитва, Северо-Кавказского края, отряд пионеров им. Ильича.

Некоторые ребята высказываются с практической стороны:

„Рассмотрев пионерские значки в журнале „ПИОНЕР“ № 16, Райбюро юных пионеров Ленинского района, Бакинской организации, останавливается на значке Иванова, но мы думаем, что этот значок из разных красок и из простой жести не выйдет, а поэтому значок будет роскошный, а пионер роскоши не любит и не в состоянии купить значок.

Исходя из этого, мы пришли к заключению, что значок Чехонина № 1 будет подходящим по своему содержанию, рисунок говорит не меньше, чем рисунок Иванова, но рисунок сделан проще, самый простой, понятный и не роскошный значок.

РАЙБЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ (Баку, Балаханы, Райком АЛКСМ).

За значок того же художника Чехонина, помещенный вторым внизу высказалось только 4 ребят. Мнения их довольно интересные.

„Мне всех лучше нравится значок работы Чехонина, помещенный внизу, потому что на нем есть пионер и пионерка“.

Октябренок ЛЕНА БАРАШКОВА

За значок художника Иванова высказалось мнений больше всех—37 ребят.

„Просматривая последний номер журнала „ПИОНЕР“, я сочла своим долгом предложить свой выбор пионерского значка. Внимательно рассмотрев рисунки значков вышеуказанных художников, мне больше всего понравился значок

(Оконч. см. на 3 стр. обл.).

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.—5 р. 60 к.
„ 6 „ —2 „ 95 „
„ 3 „ —1 „ 55 „
„ 1 „ — „ 60 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Н. Площ. 6/7, Из-во „Молодая Гвардия"

№ 21 — 7 Ноября — 1925 г.



К ПОБЕДЕ!

Ориг. рисунок худ. И. Дубасова.

В. Зорин.

Всемирный союз пролетарских детей



«Эс лебе Совиет Руссланд! Эс лебе юнге пионирен ганцер вельт» [1]) — так кричали нам все говорившие по-немецки делегаты 2-ой международной конференции деткомгрупп, от'езжая с Виндавского вокзала домой в свои неприветливые, стонущие под гнетом богачей, страны.

„Пусть крепнет союз рабоче-крестьянских детей всего мира!"—отвечали мы, и дружное пение „Молодой Гвардии" на всех языках заглушило шипение и грохот отходившего поезда.

И через несколько секунд уже не стало видно ничего, кроме маленьких рук, махавших из окна пионерскими шапочками, подаренными делегатам ленинградскими пионерами.

* * *

Конференция кончилась. Делегаты уехали. Мы, российские пионеры, шли с вокзала и обсуждали итоги нашей недавней работы с западными товарищами.

С какими трудностями они приехали к нам сюда! Почти все ребята были исключены из школ за свой от'езд в советскую Россию.

Богачи всех стран побоялись даже детей отпустить в СССР. Но они приехали, рассказали о своих трудностях, набрались опыта у нас, запаслись новой энергией для своей революционной борьбы.

Вот встают перед нами, как на яву, картины их тяжелой борьбы и работы.

Вот Пауля—пионерка из Гамбурга, рассказывает, как ей пришлось помогать рабочим и работницам во время гамбургского восстания в борьбе на баррикадах. Пришлось передавать распоряжения, приносить пищу отцам, держать связь между отрядами восставших трудящихся.

А вот Фернанд—французский пионер рассказывает, как им приходится печатать листовки школьникам на промокательных бумажках и вкладывать их в тетради ребятам в школе, так как учителя не разрешают распространять коммунистические детские газеты и журналы.

Норвежский пионер Рагнар, рассказывает, что в главном городе Норвегии—Осло—правительство вместе с попами решили взять всех пионеров из школ и поместить в одну школу, чтобы они не разносили вестей о свободе, о Советском Союзе и были взяты в ежевые рукавицы.

Эгон—маленький пионер, маленькой Дании—говорит о том, что им, детям трудящихся, приходится нелегко в датской буржуазной школе, что и он получил предупреждение об исключении за свою революционную работу. Много много еще интересных мелочей о своей работе рассказывали нам зарубежные братья. Но еще больше увидали они интересного у нас в Советском Союзе, где дышится свободно рабоче-крестьянским детям, где свободно работают юные пионеры.

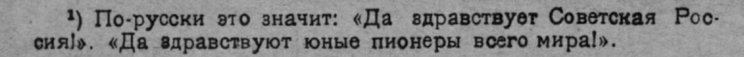
* * *

Конференция разрешила вопросы об основных задачах работы деткомгрупп во всех странах, о постановке школьной работы и борьбы с детской нуждой, она предложила ряд мер к улучшению пионерской печати и усилению руководства всей пионерской работой со стороны комсомола и партии.

Самый главный итог конференции—это то, что и руководители и ребята всех крупных стран могли увидеться, столковаться, обменяться опытом и установить постоянную связь между собой.

Так думали мы, возвращаясь с вокзала, а мерная дробь барабана проходившего пионерского отряда еще раз подчеркнула ту разницу, какая существует между нами и нашими зарубежными братьями.

Мы дали слово, что поможем им в их тяжелой борьбе и работе.



[1]) По-русски это значит: «Да здравствует Советская Россия!». «Да здравствуют юные пионеры всего мира!».

НАВЕРХУ В КРУГЕ: Французский пионер Бертело (справа) с двумя русскими ребятами.

Пионерам Запада наш пламенный привет!



Эй, собирайтесь
Под наши знамена,
Дети рабочих
Всех стран!
С гулким призывом,
Пламенным звоном,
Боем в барабан,
Барабан.

А. ЖАРОВ.





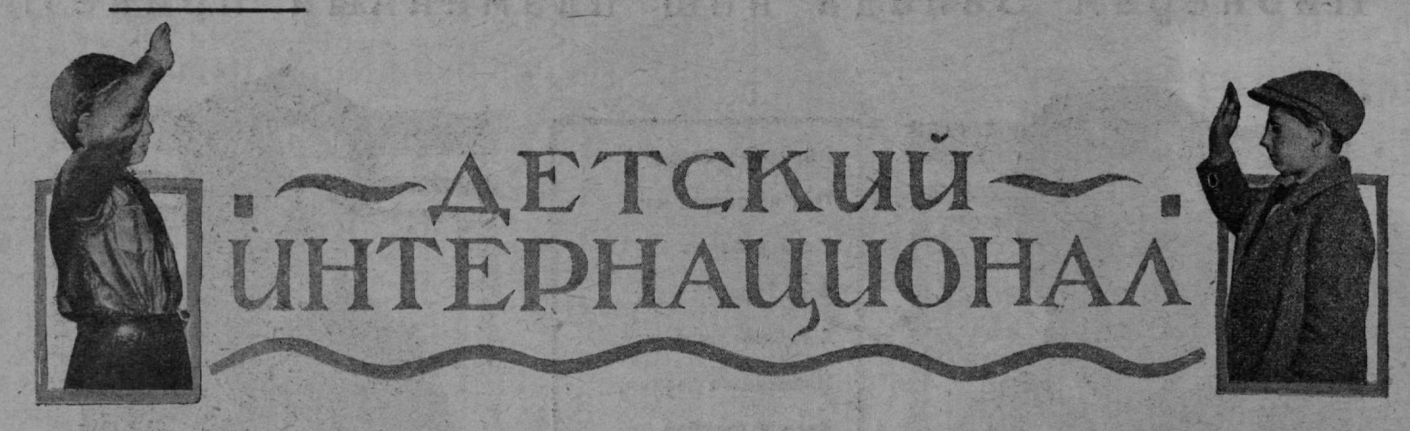
НАВЕРХУ: слева — *делегат Германии КУРТ БАЙДЕКАТ*, справа — *делегат Франции БЕРТЕЛО.*

В СЕРЕДИНЕ: *ПАУЛЯ ЮНГМАН (Гамбург).*

ВНИЗУ: слева — *делегат Дании ЭГОН ГАНЗЕН*, справа — *делегат Норвегии РОГНЕР НОРДЕН.*



Е. Бобинская



Детский интернационал

Много видела Москва конференций. Много приезжало к нам иностранных делегатов со всех сторон мира. Но первый раз видела Москва в своих стенах Международную Детскую Конференцию—первый раз приехали к нам делегаты дети.

Их было немного. Их небольшие фигурки терялись среди взрослых делегатов, их нужно было отыскивать глазами. Но эта небольшая группа иностранцев-детей, сидевших на конференции за длинным столом, покрытым красным сукном, притягивала к себе глаза и сердца всех присутствовавших. Казалось, что международная связь рабочего класса стала крепче и надежнее с той минуты, когда мы увидели среди нас юных представителей международного детского движения, делегатов из Германии, Франции, Норвегии, Дании и Финляндии.

Самым активным из юных делегатов был Курт Байдекат, делегат из Берлина. Курту 13 лет, но на вид он кажется моложе, это белокурый, невысокий мальчик с круглым,оживленным лицом. Курт слушает внимательно докладчиков и многое записывает. В первый вечер открытия конференции всем делегатам роздали большие блокноты. Нужно отдать справедливость Курту: его блокнот оказался исписанным в тот же вечер, во время доклада тов. Шиллера «О детском коммунистическом движении». В прениях выступал и Курт и во многом не соглашался с докладчиком.

Тов. Шиллер говорил о том, что нужно бороться с детским трудом вообще.

«Борьба с детским трудом—возражал Курт—это в наших условиях, борьба с родителями. Дети почти всегда работают, потому что этого требуют родители; зарабатывая очень мало, отец и мать не в состоянии содержать большую семью и вынуждены посылать детей на работу. Мне кажется, что борьба за повышение заработной платы отца есть в то же время борьба против детского труда и что другого выхода нет».

Когда Курт говорил о детском труде, то чувствовалось, что для него это далеко не отвлеченный вопрос. Курт—сын рабочего, который уже много месяцев остается без работы. Кто знает? Может быть отец Курта надеется, что этот способный живой мальчик скоро начнет помогать ему.

Курт постоянно перешептывается со своей соседкой Паулей Юнгман, делегаткой из Гамбурга. Они-то и дело заглядывают друг другу в записки, часто кивком головы или пожиманием плеч выражая несогласие с докладчиком. Пауля—девочка боевая. Она встряхивает нетерпеливо белокурыми косами, или ударяет рукой по столу во время доклада «О детском коммунистическом движении». Наконец, когда тов. Шиллер говорит о том, что дети должны агитировать своих родителей Пауля не может удержаться, чтобы не крикнуть на весь зал: «А если они в детгруппе втайне от родителей». Ей 14 лет, но у нее уже есть боевое прошлое. Дочь портового рабочего, Пауля во время восстания рабочих в Гамбурге была на баррикадах вместе со своим отцом и помогала взрослым товарищам по мере сил. Живая, веселая и задорная, она во время перерывов шалит и пробует свои силы в борьбе со взрослыми делегатами и краснеет от удовольствия, когда «побежденный» противник удивляется:

— Неужели все германские пионеры так сильны?

Но, несмотря на эту детскую задорность,глаза ее подчас бывают не по-детски серьезны. Она уже слишком много видела и пережила на своем веку.

Все молодые делегаты на конференции, и русские и иностранные, знают, что Курт и Пауля будут уволены из школы за то, что приехали в Москву. Сначала им отказали в выдаче паспортов в СССР, а когда все-таки должны были эти паспорта выдать, удалили «опасных революционеров» из школ.

— Я написал в своем заявлении, что еду в Москву на отдых к моему дяде,—рассказывал мне Курт, сидя на подоконнике (в зале как раз переводили какой-то доклад с немецкого на русский язык, а мы сидели в смежной комнате),—но они мне не поверили.

— Каким образом твой дядя очутился в Москве, сказал мне директор школы, — и разве можно отдыхать у большевиков?



Делегаты Конференции с московскими пионерами

— Дядю можно было, ведь, найти в Москве,— вставила я,—даже можно было так устроить, чтобы ты получил от него письмо.

— Это все равно бы не помогло, убежденно говорил Курт, болтая ногами и уписывая большое красное яблоко.

— Почему?

— Потому, что не можем же мы держать втайне причины нашего приезда в Москву и не можем не рассказывать обо всем, что мы здесь слышали и видели. Наоборот. Мы должны всюду рассказывать о Москве, о советской России, о русских пионерах,— мы должны агитировать. Иначе... зачем же мы приехали сюда?

Курт мотнул энергично головой и откусил большой кусок яблока.

— Ведь, не для того, чтобы есть такие вкусные яблоки!—и засмеялся совсем по-детски.

— Да, таких яблок в Германии нет,—прибавил потом со вздохом.

— Разве нет?

— Может быть и есть, но не для нас. Мы на них только в окошко любуемся.

Тут только я вспомнила, что отец Курта уже несколько месяцев без работы, хотела было что-то сказать, но Курт, покончив, наконец, со своим яблоком, опять разговорился.

— Теперь и я и Пауля поедем прямо отсюда на конференцию в Галле 10-го октября. Там будут делегаты из всей Германии, им должны мы рассказать все, что мы здесь видели и узнали.

Салют Москве

Курт бывал уже делегатом на нескольких конференциях в Германии. Он член ЦК германских пионеров. Он умеет работать сосредоточенно, серьезно, как взрослый.

Но у Курта есть одна страсть: подхватывать записки и бросать их в президиум. Как бы внимательно он ни слушал, зоркие глаза его мгновенно увидят маленький клочок бумаги, брошенный на красное сукно; проворная рука хватает записку на-лету. Прочитав адрес записки, Курт бросает ее в президиум, попадая как-раз в того, кому она предназначена. Тогда бледные его щеки окрашиваются румянцем, а глаза блестят мальчишеским весельем. Усердно помогает ему в этом развлечении Эган Ганзен, делегат из Копенгагена. Эган—сын пекаря. Он самый младший делегат на конференции. Ему только десять лет. Он очень хорош со своими черными бровями, светлыми волосами и свежим лицом, в красной блузе и красном галстухе. Очень живой и веселый, он все время ерзает на своем стуле (раза два опрокинул его). И... ужасно скучает, не понимая ни русского, ни немецкого языка, на которых говорят на конференции. Он ежеминутно тянет за рукав своего старшего товарища в такой же красной блузе (их и называют в Дании презрительно «красноблузниками»), заглядывает в его записки и просит перевести слова докладчика.

К счастью для Эгана, в президиуме сидит делегат из Норвегии—Рагнар Нордли, с которым он может вести переписку. Белые бумажки то и дело летят в президиум при деловитой помощи Курта. Но Рагнар Нордли ужасно серьезный, не по летам, (ему 13 лет), и чрезвычайно занят. Он все время что-то пишет, переговаривается с другими членами президиума, ему некогда отвечать на записки Эгана. Напрасно бедный Эган злится и ерзает на стуле, ожидая ответа.

Каким-то непонятным образом Эган, не зная ни русского, ни немецкого, ни французского языка, успел очень скоро подружиться с русскими делегатами, с маленьким французом и с делегатом из Туркестана. Они меняются значками, шапками и усердно записывают что-то друг другу в записную книжку. Они отлично понимают друг друга при помощи кивков головы, улыбок и... пинков. Изредка только прибегают к помощи переводчиков. Зато Курт очень скоро разузнал, кто из присутствующих говорит по-немецки и умеет этим воспользоваться.

— Слушай, — говорит он мне шопотом в самое ухо,—мне непременно нужен русский пионер, чтобы сейчас поехал со мной в 3-й дом советов. Спроси их, кто хочет поехать.

Нашлась тут же охотница-пионерка.

— Мы поедем 14-м номером,—об'являет Курт.

Маленькая делегатка смущена.

— У меня нет денег,—говорит она мне шопотом.

Я перевожу ее слова Курту.

— Ничего, у меня есть деньги,—и Курт победоносно звонит медными монетами в кармане,— едем.

— Но зачем же ты едешь, Курт, ведь она не понимает по-немецки. Ей нужно перевести.

Оказалось, что Курту нужно непременно с'ездить в 3-й дом за галстухом для себя и Паули. Они отдали вчера свои галстухи в стирку (я заметила с самого утра, что у Курта сегодня нет галстуха), а теперь нужно за ними ехать, потому что вечером все делегаты должны быть в Ленинском клубе на Красной Пресне. Там будет сбор всех вожатых звеньев гор. Москвы.

— Нам нужно с'ездить за галстухами, пока здесь переводят,—горячится Курт,—как же мы

явимся к русским пионерам без галстухов. Ну, едем!

Курт был прав. Разве можно было поехать без галстуха туда, в Ленинский клуб, где тысячи пионерских глаз жадно впились в «заграничных» юных делегатов, рассматривая каждую черту их лица, каждую складку их платья. Битком набитый зал горел блеском восторженных глаз, алел красными знаменами, красными галстухами и не менее красными от жары и радости детскими лицами. Ошеломленные грохотом барабанов, звуком труб и громогласным окриком: «Да здравствуют наши братья с Запада», заграничные делегаты совсем растерялись. Молодой француз, который должен был говорить первым, долго стоял на трибуне, розовый от волнения, улыбаясь и озираясь кругом. Когда, наконец, утихло бушующее вокруг него пионерское море, он сказал совсем по-детски:

— Товарищи, я никогда в жизни еще не видел так много пионеров... я не знал, что может быть так много пионеров...

Вероятно, он подготовил себе совсем другое начало приветственной речи, более торжественное, но простой восторг продиктовал ему эти правдивые слова.

И когда потом он рассказывал о том, как мало их еще во Франции, как их там преследуют, как трудно им работать, он забыл, что говорит на чужом языке, что его не понимают. Ему хотелось побольше рассказать этим русским пионерам, так далеким еще неделю тому назад и так близким теперь. И Курт, и Эган и Рагнар Нордли—все говорили также. Напускная делегатская важность пропадала сама собой, забывались заранее подготовленные приветствия, лица невольно расплывались в улыбку, глаза блестели детской радостью и они просто, без прикрас, рассказывали, что им пришло в голову. Так, например, маленький Эган совсем неожиданно начал говорить о том, какие свиньи эти социал-демократы *) и сколько они вреда приносят рабочему классу, но они, пионеры, поклялись бороться с социал-демократами и победят их. Когда переводчик перевел его слова и в ответ послышался грохот многочисленных барабанов и гром рукоплесканий, маленький оратор весь зарделся от восторга.

*) Социал-демократы — заграничные меньшевики.

А зал шумел, не унимался. Колыхалось море детских голов, и ежеминутно срывались шопоты, как птичьи крылья.

— Ванька, ты слушай! Это по-немецки что ли?

— Да, по-немецки.

— Значит, он немец?

— Понятно, немец.

— Ишь ты!—удивляется сосед.

— А этот вот маленький с краю?

— Говорят, из Дании.

— Славный какой! Пусти, Ванька.

— Ты куда, Шура? Чего толкаешься!

— К ним, поздороваться.

И Шура, энергично раздвигая толпу пионеров, пробирается на трибуну и там по-очереди жмет руку всем молодым делегатам крепко, крепко. А потом поскорей убегает взволнованный вспотевший от жары в своей широкой куртке. А вслед за ним карабкается на трибуну молодая пионерка, красная как мак, потом другая, третья. И сотни детских горячих рук тянутся к заграничным делегатам и сотни жадных глаз впиваются в них, чтобы запомнить навсегда их лица. А когда украинский делегат обращается к пионерам, спрашивая, готовы ли они помочь своим братьям с Запада в их борьбе,—поднимаются тысячи рук с громогласной пионерской клятвой:

«Всегда готовы».

Они уехали. И бойкий Курт, и славный маленький Эган, серьезный Рагнар и боевая Пауля, и Бертело, молодой француз, который такими восторженными глазами озирался вокруг. Каждый из них в своей стране будет дальше вести борьбу за новую жизнь, борьбу, подчас слишком тяжелую для детских плеч.

Но русские пионеры не забудут своих новых друзей. Многие записывали их адреса, все обещали писать им.

На пионерских собраниях на Красной Пресне, в Сокольниках, в Замоскворечьи завязалась международная детская связь, которая вскоре вырастет в мощный Детский Интернационал.



Делегаты Конференции у мавзолея ИЛЬИЧА

Л. Гумилевский

Рис. худ. Э. Гринвальда.



Другая революция

1

У Полицейского моста вагон неожиданно остановился. Антошка прижался к стеклу, но ничего не увидел. Сидевший против него седой, важный барин прошипел раздраженно—«безобразие!»—и пристукнул крючкастой палкой о пол. Кондуктор же, вернувшись в вагон, коротко об'явил:

— Вагон не пойдет дальше, граждане!

— Почему?

— Потому, что не пойдет!

Кондуктор пожал плечами и наклонился к сумке, пересчитывая выручку. Пассажиры стали выходить ворча и споря. Алешка оторвался от окна и пошел за другими, равнодушно помахивая узелком с картошками. Неожиданное приключение на знакомой и скучной дороге было ему приятно. Он весело соскочил с площадки и оглянулся.

Сзади Невский, как всегда, сиял голубым заревом электрических фонарей. Сверкали витрины магазинов, таинственно мерцали расцвеченные вывесками фонари кинематографов, гудела плотная толпа пешеходов, звенели трамваи, ревели автомобили. Но впереди, за длинной цепью нанизанных на рельсы вагонов, огни были погашены, поперек улицы стояли цепью люди с винтовками и за мостом грелись патрули у красных остовов тлеющих костров.

Мальчик ни на секунду не задумался: итти ли дальше или вернуться домой. Он подбросил крошечный узелок свой, закинул его за плечо и пошел вперед. У вагонов стояли кондуктора и пассажиры—они с любопытством смотрели на солдат.

Нарядная барыня, негодовавшая у ступеньки вагона, крикнула страшным голосом:

— Куда ты, мальчик! Там большевики!

Антошка оглянулся на нее с холодным любопытством, но промолчал и не замедлил шагов. Тогда, глядя ему вслед, она проворчала исступленно:

— А! Их же отродье! Шпион!

Стоявшие за мостом люди с винтовками видели, как шел к ним мальчик с смешным узелком за плечом, но не остановили его. Он подошел к костру, погрел ноги, потом руки, перекидывая из одной в другую узелок с торчащими ушками и тогда, решив, что познакомил с собой других достаточно, он спросил сочувственно следивших за ним людей:

— Холодновато, братишки?

Один из них посмотрел на него, угрюмо покачал головою и вдруг сурово оборвал его:

— А тебе-то что тут надо?

Во влажных глазах его струился смех, но Антошка вздрогнул от сурового вопроса. Помахав над костром узелком с картошками, он кивнул на цепь омертвевших вагонов:

— Трамвай не пошел дальше. А я вот жратву нес отцу. Мамка послала. Можно мне пройти?

— Куда?

— На Васильевский.

— Зачем?

— Да вот же к отцу, на фабрику...

— Кто он—отец твой?

— Рабочий.

— Откуда?

— С Невской, ниточной...

Угрюмое лицо красногвардейца стало мягче. Он облокотился на винтовку и засмеялся:

— А на Васильевский зачем твой отец попал?

— Ушел вчера с делегатами туда на мануфактурку. И вот нет. Не емши, а мамка чуть не плачет—куда пропал... Найти надо... Вот картошек несу...

Красногвардеец переглянулся с товарищами—он, вероятно, был старшим. Один из слушавших бойкую болтовню Антошки солдат покачал головою:

— Не найдешь! Никого там нету теперь!

— А где они?

— Не знаю уж!

Антошка вздохнул. Вокруг него собрались люди с винтовками. Они разглядывали его и слушали. Осмелев, он потрогал винтовку у одного из них, присмотрелся к затвору и спросил:

— А вы зачем тут с ружьями стоите, братишки? Революция, братишки, да?

— Революция!

— А уж она была ведь—одна? Зимою, а?

— Была! Теперь другая будет!

— Ого, другая!—удивился Антошка, тихонько поглаживая скользкий ствол винтовки,—другая! Это уж наша, братишки, да?

— Наша, — засмеялся красногвардеец ,— наша!

— Чтоб лучше жить всем было?

— Вот именно!

— Тятька говорил!—вздохнул Антошка,—тятька мне все говорил! Только не сладите вы с ними, пожалуй. Стрелять будете?

— Понадобится и стрелять будем!

Антошка с завистью посмотрел на твердые руки, сжимавшие винтовку и приходившиеся ему против самых его глаз.

— А зачем вы тут караулите? Они где?

— Во дворце заперлись!

— Там?

— Там!

У мальчика сверкнули глаза. Красногвардеец усмехнулся:

— Отец у тебя не большевик?

— Большевик!

— А ты?

— Я тоже!

— Ага! Ну что с тобой делать — значит ты свой! Ступай прямо, потом направо, выйдешь к арке—там спросишь, где с Невской ниточной дружина стоит! Гляди и отца найдешь!

— Ой, б р а т и ш к и! Правда?

— Пойди, погляди!

Антошка последил за указывавшим в темноту пальцем, взмахнул узелком и пошел недоверчиво от костра, думая, что его вернут назад и скажут, что смеялись. Но никто его не вернул. За углом он вздохнул свободно и побежал по каменной мостовой к огромной арке, которой обрывался переулочек, погруженный во тьму.

Под аркой без костров, невидимые в темноте, стояли вооруженные люди. Антошка спросил деловито:

— С Невской ниточной дружина не здесь?

— Нет! Зачем надо?

— К отцу. Где о и?

— Дальше!

Штык винтовки просунулся под арку, указывая путь. Антошка кивнул головой, проскользнул между рядами стражи и вышел на площадь. Там, как на другом берегу широкой черной реки, горел желтыми огнями бесчисленных окон Зимний дворец. Антошка увидел тени перебиравшихся через площадь людей и пошел весело за ними.



— Холсдновато, братишки?...

2

Отца нигде не было. Блуждая по площади, Антошка обошел кругом дворец. За его решетками, у ворот, у входов, у под'ездов стояли часовые. Это были молодые люди, одетые в новенькие военные формы.

«Юнкера!» подумал Антошка, припоминая не раз слышанное в этот вечер слово.

Слово было незнакомое, а потому важное и жуткое, как эти люди с винтовками, охранявшие дворец и засевшего в нем неведомого врага.

Антошка нечаянно вышел на Зимнюю канавку и побрел по ней, прячась в тени гранитного барьера. Он дошел до арки дворца, никого не встретив. С этой стороны, видимо, не ожидали нападения. Здесь было тихо. Антошка даже свистнул от удивления, дивясь тому, что отсюда никто и не думал нападать. Он уже решился вернуться к солдатам, окружавшим площадь, сообщить им об этом упущении, но в тот же миг из черной впадины под'езда оглушил его звонкий окрик:

— Стой! Кто идет?

Антошка шарахнулся в сторону, но из под'езда тотчас же высунулось дуло винтовки с острым жалом штыка.

— Стой, стреляю!

Антошка вздохнул и с размаху сел на мостовую, чтобы доказать свою неподвижность.

— Поди сюда, мальчик! Слышишь?

Ничего не оставалось делать, как подойти. Антошка поднялся, охая и вздыхая, подошел ближе. В под'езде стоял молоденький юнкер. Он посмотрел на мальчишку беззлобно, но удивившись. От скуки он стал говорить с ним.

— Зачем ты здесь шляешься, мальчик? Того и гляди стрелять будут! Что тебе надо тут?

— Я ведь к отцу шел...

— Где твой отец? Во дворце?

Антошка ответил твердо—«во дворце!»—Ему казалось, что после этого юнкер может ограничить только выговором свое право над его жизнью и смертью. Юнкер же, опершись на винтовку, спросил с любопытством:

— Кто твой отец? Швейцар?

— Цвицар!—должен был согласиться Антошка.

Юнкер строго положил руку на плечо мальчика. Антошка закрыл глаза, готовясь выслушать приговор.

— Слушай, мальчик! Я тебя, пожалуй, впущу, но ты прежде всего пойдешь в юнкерскую комнату — первая комната за белым залом, спросишь там дежурного и скажешь, чтобы он прислал сюда бутылку вина. Понял?

Антошка кивал головой утвердительно—все было очень понятно и гораздо менее страшно, чем он готовился услышать.

— Бутылку вина, обязательно бургундского! Скажешь, что Хорохорин просит бургундского, иначе он бросит пост, потому что тут холодно и я устал! Понял? Потом можешь итти к отцу,—ступай!

У Антошки похолодело сердце, обмякли ноги. Он шел в пасть врага и смотрел, как юнкер, нажав ручку двери, распахивал ее для него.

— Только обязательно бургундского, понял?

— Понял! — вздохнул Антошка, проскальзывая в дверь: надо было итти, чтобы не выдать себя.

— Смотри? Поймаю—оборву уши, если не сделаешь, как сказано!

Антошка стоял уже за дверью. Юнкер погрозил ему вслед. Антошка взмахнул узелком и пошел прямо по коридору, делая вид человека, привыкшего к этой дороге, как к родной избе. Он не оглянулся назад, не смотрел по сторонам, шел помахивая узелком, подняв голову. Впрочем, если бы он и не делал всего этого, если бы он даже открыто и честно изумлялся блеску, золоту, шелку и богатству—едва ли бы кто-нибудь заметил его и заинтересовался им.

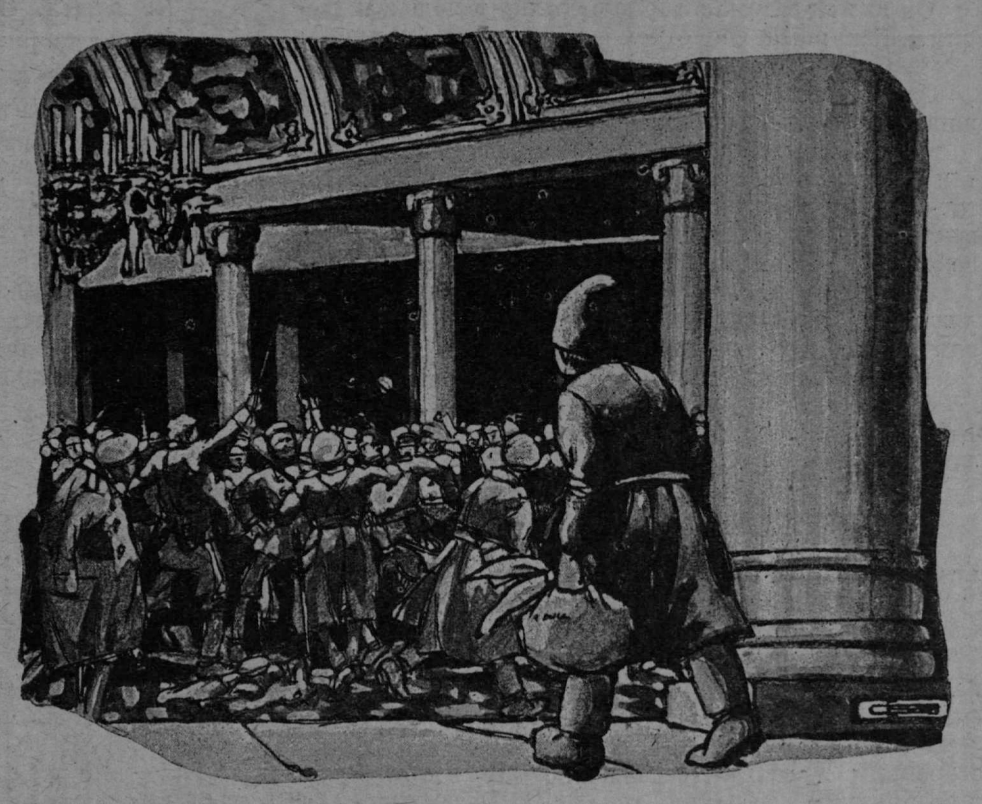
Во дворце с этой стороны было пустынно. Довольно часто встречались служители, казаки, офицеры, юнкера, но все они были растеряны, взволнованы и заняты собой. До мальчишки с красным узелком никому не было дела, тем более, что он издалека еще уступал всем дорогу и всех обходил, заранее сворачивая в сторону и прижимаясь к стене.

От его шагов не смолкли и не утихли даже голоса говоривших казаков. Антошка слышал, проходя, громкий голос, убеждавший слушателей:

— Надо уходить,—говорю вам! Сейчас палить будут с крейсера по дворцу! Чорт с ними, с министрами этими! Нужны они нам, что ли?

Антошка одобрительно оглянулся на голос—хотелось ему тихонечко указать им на свободный выход со стороны Зимней канавки, но он прошел, не сказав ни слова.

Он уже с полчаса плутал по дворцу с веселым любопытством. Над ним сияли хрустальными люстрами золоченые потолки зал. Длинные коридоры выводили его к веренице нарядных комнат. Никто его не останавливал. Взволнованная суета, офицеры, винтовки, тихая команда не трогали его. В одном из коридоров Антошка наткнулся на двух офицеров, размахивавших шашками друг перед другом.



Он остановился в восторге, рассматривая настоящее сражение

Он остановился, в восторге разглядывая настоящее сражение, но тут же заметил, что руки бойцов были нетверды, движения неуверенны, окружавшие их юнкера пересмеивались—офицеры были пьяны.

Антошка вспомнил о бутылке бургундского и пошел дальше. В конце-концов, плутая по комнатам, ему удалось найти и ту, которая была временно обращена в казарму для юнкеров. Здесь было тихо, но накурено, грязно и тускло. По полу были разбросаны тюфяки и окурки. За мраморным столиком сидел юнкер с закрытыми глазами, но в полной форме и вооружении. Антошка подошел к нему:

— Вы не дежурный?

— Дежурный. Что нужно?—ответил он равнодушно.

— Вам велел сказать Хорохорин, чтобы вы послали ему...

— Вина?—коротко перебил он.

— Только он сказал бургундского что бы...

— Ящик под койкой, в углу...

Антошка оглянулся по комнате и посмотрел на койку, но не двинулся с места, не зная, что делать.

— Ну, что стал? Возьми и отнеси! Что я сам разносить им буду?

Антошка пошел к койке.

— Одну только! Смотри!

— Я одну!—сказал Антошка, шаря под кроватью рукой и натыкаясь на ящик,—нашел.

Он вынул за узкое горло бутылку и пошел к дверям. Дежурный посмотрел на его руки, крикнул:

— Спрячь в пазуху, не разбей!

Антошка засунул бутылку под куртку и, придерживая ее рукою, вышел.

Обратный путь он совершал тем же порядком, плутая из комнаты в комнату. Он не торопился. Но где-то, точно над самой крышей, ахнул пушечный выстрел, стекла отозвались нежным стоном и все во дворце оживилось преувеличенной суетой.

Мимо Антошки пронеслись два штатских человека. Они остановили служителя в торжественной ливрее, отделанной красным.

— Как в подвал пройти? где подвалы?

Служитель показал, как пройти. Когда они скрылись, он равнодушно заметил:

— Как палить возьмутся и в подвале не спрячешься!

— Кто это?—спросил Антошка, — министры?

— Какие министры! Так—шихобить!

— А министры?

Служитель посмотрел на мальчишку, на красный узелок в руке, хотел спросить, что тому надо здесь, но не удержался от удовольствия поговорить с посторонним и сказал, безнадежно махнув руками:

— Совещаются!

Антошка хихикнул и, не дожидаясь расспросов, умчался прочь. Сидеть во дворце, хотя бы и в подвале, под орудийным обстрелом, застрять здесь на всю ночь—ему не хотелось. Он усиленно начал разыскивать выход на канавку и нашел его. Он выбрался наружу с глубоким вздохом, оглянулся в темноте, даже крикнул тихонько, но никого не заметил.

Должно быть часовому надоело ждать. Антошка потер уши, спасенные случаем от трепки, прихлопнул дверь и торопливо ринулся в темный мрак ночи.

Рявкнул еще один выстрел с Невы, сотрясая воздух. Антошка прижался к гранитному барьеру и, прячась за ним, пошел прямо.

Кругом было тихо и пустынно. Но на площади мелькали тени людей, двигавшиеся из-под Красной арки ко дворцу. Они скоплялись за колонной, торчавшей мрачной тенью над серединою площади, и Антошка побежал туда, спотыкаясь по камням.

3

Он едва не наткнулся на щетину штыков, выступивших вдруг из темноты.

— Кто это?

— Свой!—прошептал он, задыхаясь.

Тогда в темных рядах кто-то узнал его.

— А, нашел отца, что ли?

— Не нашел. Я во дворце был.

— Как во дворце? Врешь?

Вооруженные люди обступили его.

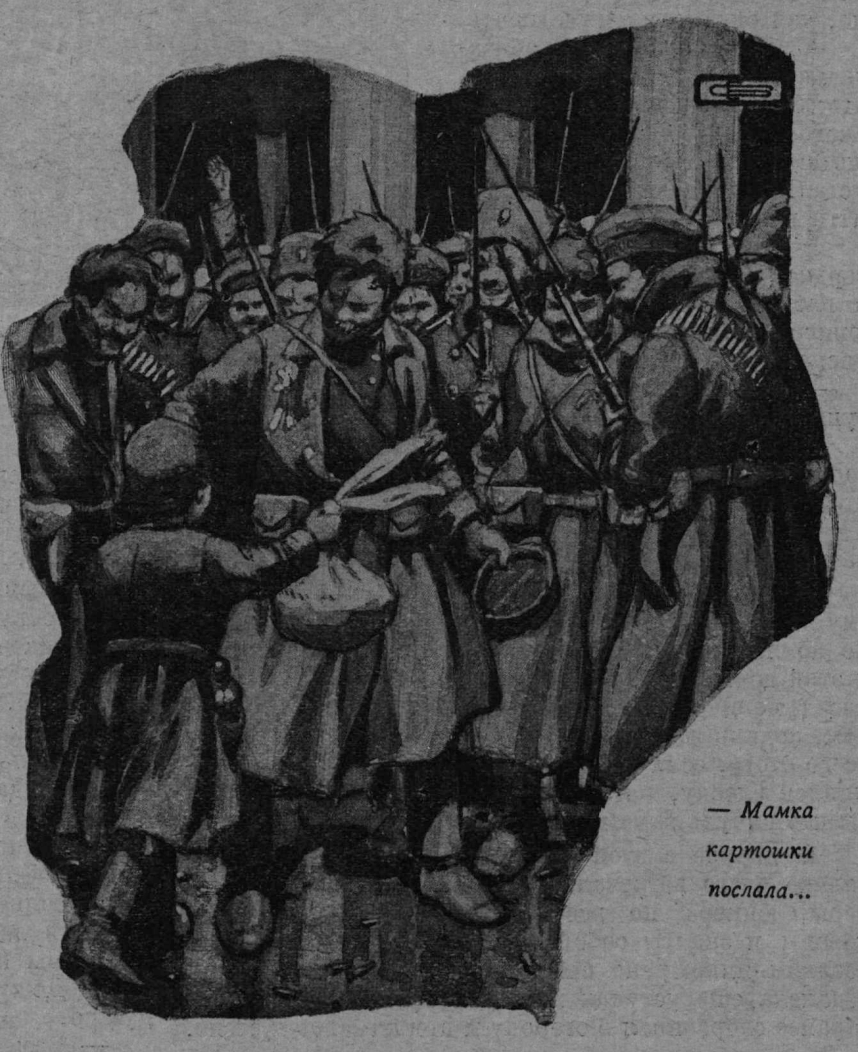
— Как ты туда попал? Что там делают?

Антошка, захлебываясь от беготни, волнения и желания все сразу рассказать, стал говорить. В подтверждение истины своего рассказа, он вынул из-за пазухи бутылку и пред'явил ее удивленным красногвардейцам.

— Вот она! Юнкера там нету, пойдемте туда! Оттуда зайти можно—никто не увидит!

— А засады там нет?

— Ничего там нет.



— Мамка картошки послала...

Над его головой совещались шопотом. Антошка слышал все.

— Попробовать разве?

— А мальчишка не врет?

— Нет!—сказал знакомый уже Антошке красногвардеец,—нет, не врет! Если бы врал, не брался бы с нами итти!

— В открытом бою одно—хитростью другое. Можно ли нам, раз наше дело правое...

— Военная хитрость! Ильич любит военною хитростью оставить врага в дураках! Пойдемте, ребята. Наши уже окружили наверное со всех сторон!

У Антошки облилось теплою кровью сердце. Он повис на чьем-то рукаве:

— Пойдемте, пойдемте, я не вру! А если там юнкер стоит, так я вперед пойду и бутылку ему отдам, а тогда вам скажу...

Кто-то тихо и добродушно смеялся над ним, а кто-то другой ласково трепал его за плечо.

— Ведешь, значит, нас, богатырь?

— Веду!

— Пойдемте, товарищи!

Антошка шел, цепляясь за чужую винтовку. Отряд прошел незаметной тенью к гранитному барьеру Зимней канавки и в тени его дошел до арки дворца. Антошка, размахивая бутылкой, метнулся к под'езду и вернулся назад.

— Никого нет!

Отряд по одиночке прошел в под'езд. Антошку не пустили в дверь:

— Жди здесь или ступай домой: пришибут— мать плакать будет, да и мы пожалеем! Ну?

— Я тут подожду! Бутылку покажу им—меня не тронут!

Антошка остался в под'езде.

Выстрелы смолкли. С Невы веял тихий ночной ветерок. С ним вместе доносился ропот множества голосов. Антошка сел на каменную ступеньку, потом прошелся к под'езду—ждать было нестерпимо.

Тогда, крадучись, он отворил дверь, оглянул пустой коридор и, плутая по комнатам и коридорам, стал пробираться вперед.

Тогда неожиданно за распахнутой дверью он увидел толпу обезоруженных юнкеров, окруженных солдатами.

— Сдались? — взвизгнул Антошка и нырнул в коридор, по которому шныряли вооруженные люди. Их лица были взволнованны, но бодры и веселы.

В огромном зале Антошка вздрогнул от громкого голоса, доносившегося из толпы. Он протискался в плотную стену спин, прислушиваясь. Там, в кругу рабочих, опиравшихся на винтовки, тот же звонкий голос продолжал:

— Еще раз призываю вас, товарищи, к спокойствию, порядку и революционной дисциплине! Все здесь и всюду—народное достояние! Охраняйте его! Мы взяли власть, мы будем строить новое государство, первое рабочее государство, так проявим же мужество не только в бою, но и в деле строительства новой жизни. Товарищи! На нас смотрит весь мир! Покажем же пример, товарищи...

Антошка работал локтями, протискиваясь вперед, что есть силы. Наконец, он вырвался в середину, взглянул в лицо оратора и тогда уже, убедившись, что нашел отца, повис у него на руках.

— Ты откуда?

Речь оборвалась и круг расступился. От тишины Антошка растерялся. Он торопливо оглянулся и растерянно шепнул отцу:

— Мамка картошки послала... Картошки...

Он совал ему в руки красный узелок, не зная, что делать. Смешные кончики узла болтались, как уши струсившего зайца, лезли всем в глаза и заставляли хохотать самого Антошку вместе со всеми.



ЛЕНИН

КОРМЧИЙ ОКТЯБРЯ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)



В КРАСНОМ ПОДПОЛЬЕ



...«Идемте, Ильич вас хочет видеть. Не задерживайтесь»...

Я вышел следом за торопившими меня т.т. Невским и Подвойским.

В белесых сумерках осеннего вечера автомобиль наш долго крутился разными закоулками, наконец, остановился на одной из уличек Выборгской стороны... Мы прошли еще пару переулков, внимательно присматриваясь, не следят ли за нами. Наконец, вполне убедившись в отсутствии слежки, гуськом проскользнули в ворота одного из неказистых домов.

На условный стук нам сразу открыли. Хозяин квартиры, приземистый пожилой рабочий, легко признал моих спутников.

— Входите, Ильич сейчас будет...

Ждали недолго.

Ну, кто-б его узнал, нашего любимого, до малейших, кажется, морщинок знакомого, товарища-вождя. Перед нами стоял седенький, под очками, довольно бодренький старичек добродушного вида: не то учитель, не то музыкант.

«Ильич» снял парик, очки и искрящимся обычным юмором взглядом сразу окинул нас.

— Ну, что нового?

Я рассказал о положении в Финляндии.

Моряки с крупных судов настроены весьма революционно, часть пехоты тоже, но команды некоторых миноносцев и подлодок малонадежны, свеаборгские артиллеристы все еще в плену у соглашателей. Казаки-кубанцы внушают опасения, но выборгский гарнизон берется не выпускать их из Финляндии.

«Ильич» перебивает:—Нельзя направить весь флот к Питеру.

— Нет, прежде всего, фарватер не допустит, потом крупные суда побаиваются подлодок и миноносцев. Наконец, оголить фронт матросы не захотят.

— Но должны же они понимать, что революция в большей опасности в Питере, чем на Балтике.

— Не очень понимают.

— Что же можно сделать?

— Можно дать два-три миноносца в Неву, прислать сборный отряд матросов и выборжцев. Всего тысячи три.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

ОСАДА ЗИМНЕГО ДВОРЦА

— Мало,—недовольно и укоризненно говорит «Ильич». И я чувствую будто вину свою, что так мало могу обещать.

— Ну, а северный фронт.

— По докладу его представителей, там прекрасное настроение и можно ждать оттуда большой помощи против частей, двинутых с других фронтов... Но чтоб знать точно, надо бы туда с'ездить.

— С'ездите. Нельзя медлить.

Уверенность и твердость «Ильича» укрепляюще действуют на меня, подбадривают т. Невского.

...Осторожно выходили мы на улицу. У самых ворот вдруг наткнулись на высокую фигуру, прилаживавшуюся влезть на велосипед.

«Неужели шпик». Только сегодня в газетах было заявление временного правительства, что напали на след Лепина и Зиновьева, что арест «большевистских вождей» неминуем.



Тов. Невский повернул опять в дом предупредить. Я, сжимая револьвер, прошел за угол. Подвойский остановился на другом углу.

Велосипедист тронулся.

Через пару минут «Ильич» вновь неузнаваем и переправился в другое логово.

Мы успокоенно зашагали к автомобилю.

В. АНТОНОВ ОВСЕЕНКО

К СТРОИТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Было только сорок минут девятого, когда гром аплодисментов возвестил появление президиума с Лениным—великим Лениным—среди членов его.

Невысокая, плотная фигура с большой лысой и выпуклой головой, посаженной низко на его плечах, небольшие глаза, нос «картошкой», широкий благородный рот и тяжелый подбородок; начисто выбритая, но уже начинающая щетиниться, хорошо памятная борода его недавнего прошлого и его будущего. Одет в небрежный костюм с широкими длинными брюками. Не производящий такого впечатления, что он может быть кумиром толпы,—любимым и почитаемым так, как, быть может, мало кто в истории был любим и почитаем,—таков этот странный народный вождь,—вождь исключительно силой своего ума.

Каменев читал отчет о действиях военно-революционного комитета...

Затем выступил представитель Бунда...

Собрание отвечало ему криками...

Затем выступил представитель меньшевиков, приветствуемый криками:

— Что, вы еще здесь?..

А затем выступил Ленин. Крепко держась за края пюпитра и своими небольшими глазами осматривая толпу, он стоял здесь в ожидании, не обращая, очевидно, внимания на непрекращающуюся

Ориг. рисунок худ. В. Голицына.

овацию, длившуюся много минут. Когда овация закончилась, он просто сказал:

— Мы теперь приступаем к строительству социалистического порядка.

И фразу эту опять приветствовал нечеловеческий рев.

Его большой рот, казавшийся улыбающимся, широко открывался, когда он говорил. В его голосе была сиплость,—не неприятная, но как-будто от многолетней ораторской практики,—и он звучал так ровно, что создавалось впечатление, будто он мог звучать без конца... Чтобы подчеркнуть фразу, он слегка склонялся вперед. Он никогда не пускал в ход жестикуляцию.

А перед ним, обращенные к нему, тысячи простых лиц глядели вверх с любовью и преклонением.

ДЖОН РИД.

ОРГАНИЗАТОР ПОБЕДЫ

Банды Керенского стояли под Петроградом, Положение только-что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье, отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики, но развал в некоторых наших частях, недочеты командования и разрозненность в деле руководства операциями сводили на-нет все наши усилия. Врагу ничего не стоило при нашей разобщенности и на плечах наших отступающих войск ворваться в столицу.

В этот тяжелый момент на сцену выступил тов. Ленин.

Неожиданно для нас он явился в штаб округа. Он вызвал меня, Антонова и Механошина и потребовал, чтобы мы ему сделали подробный доклад о положении дел, чтобы мы познакомили его с находящимися в нашем распоряжении силами, с силами противника и нашими оперативными планами.

На мой вопрос, что означает этот приезд,—недоверие к нам или что другое, тов. Ленин просто, но твердо ответил:

— Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти.

В этот момент я впервые почувствовал, что у нас диктатура, что у нас сильная, твердая рабочая власть. Тут я понял, что я ответственный перед рабочими и крестьянами агент власти, а не просто работник; что я сам, составляя частицу аппарата диктатуры, подчинен власти пролетариата в каждом шаге своем и несу величайшую ответственность перед диктатурой пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров.



Тов. Антонов стал излагать общий план операций, указывая по карте расположение наших сил и вероятное расположение противника. Тов. Ленин впился в карту. С остротой самого глубокого и внимательного полководца

он затребовал об'яснений, почему тот пункт не охраняется, почему предполагается тот шаг, а не иной, почему не вызвана поддержка Кронштадта, почему не разработана такая-то позиция, почему не закрыт такой-то проход.

Этот вдумчивый и строгий допрос показал нам, что мы, действительно, допустили целый ряд оплошностей.

Часов в 12 следующего дня тов. Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий, прибавив, что Совет Народных Комиссаров выделил его, Сталина и Троцкого в помощь мне.

Тов. Ленин через каждые пять—десять минут присылал мне кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрядному делу, то летчика, то агитатора. Постепенно увлекаясь, он, сам того не замечая, выходил из моего кабинета, давал непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу.

Работа закипела. Но тов. Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, нерешительно, не энергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций заводов и узнавал у них о состоянии вооружения рабочих, о технических средствах, о том, что можно вообще, получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен. Тут появились приказы путиловцам: бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки, вести на позиции блиндажи. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе 40 готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них все, что потребно для обороны.

Создалось 2 штаба: в кабинете Ленина и моем. В кабинете Ленина как бы походный, так как тов. Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще тов. Ленин посещал свой кабинет, куда беспрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более распоряжения случайного характера превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни воинских частей, а только мобилизации «все и вся» для обороны. Но эта двойственность в работе страшно нервировала меня. Наконец, я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы тов. Ленин освободил меня от работы по командованию.

Тов. Ленин вскипел, как никогда: «Я вас предам партийному суду, мы вас растреляем. Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать».

Только на следующий день оценил я все значение работы Ленина. Мы разбрасывались, собирали и бросали силы случайно, но планомерно, благодаря чему получалась расплывчатость действий. Ленин же точно гвоздем вколачивал в каждую голову мысль о необходимости все сосредоточить на оборону, все построить для обороны.

Н. ПОДВОЙСКИЙ

Ив. Скоринко

На подступах к победе

(РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ В ОКТЯБРЕ)

ДОМАШНЯЯ БУЗА

Утром 23-го октября (старого стиля), проснувшись, я увидел в комнате довольно странную картину.

На грязном полу сидел вернувшийся с завода отец и заботливо чистил винтовку.

Около стояла мать и, глядя на него, возмущалась и сожалела.

— Отец на старости лет в ветрогоны записался. Винтовку чистит. Убивать, что ли, кого будешь?

— Уйди, дура-баба, — спокойно смазывая затвор маслом, отмахнулся отец.

— Сам дурак. На дворе все над тобой смеются.

— Уйди!—напуская на свое добродушное лицо свирепое выражение, закричал он.

— Что ругаешься, товарищ-папа, — шутливо спросил я.

— Встал. Хорошо. Возьми винтовку и иди в штаб. Сволочи закрыли газету «Рабочий Путь» и грозят нам разоружением. Этому не бывать. Идем.

Под плач и причитания матери и под насмешливыми взглядами обывателей, я и отец, держа на плечах винтовки, направились в штаб, где все находились в чрезвычайном оживлении.

В штабе под столами, на столах и около—мы увидели, как масса рабочих сейчас любовно чистили винтовки, еле сдерживаясь от желания итти в центр свергать буржуазное могущество.

Мой отец, положив руку на мою голову, заметил:

— Сегодня я чувствую себя храбрецом. Если у всех такое же чувство, то завтра будет Советская власть.

— А если ее через день придется отдать?— шутливо заметил пробегавший ротный.

— А чорт всех побери. Хоть день да будет наш,— потрясая в воздухе винтовкой, крикнул мой отец, вызвав энтузиазм у присутствующих.

Но скоро наши разговоры прекратились. Начались строевые занятия.

После занятий пришло известие о стягивании к Петрограду юнкеров, казаков и ударников. Под Гатчиной между тем шли бои. Наш взвод был направлен в Лигово.

НА ФРОНТЕ

Мы направились на фронт.

Дорога от Лигова к станции Александровской представляла собою сплошное болото. Ноги по колено уходили в липкую грязь.

На перекрестке двух дорог, у небольшого леска, встретили партию матросов.

— Здорово пацаны.
— Здравствуйте. Куда?
— На фронт. Хряем вместе.
— Топаем.

За леском начинается фронт. С разных сторон слышалась пулеметная, орудийная и ружейная стрельба, вводившая нас в недоумение: где наши и где противники.

Пошли прямо, надеясь на то, что «кривая» выведет. В двух верстах от леса случайно наткнулись на казаков.

Быстро рассыпались в цепь и открыли отчаянную стрельбу. Казаки отвечали.

На перестрелку обратила внимание чья-то артиллерия и в лощинку послала несколько снарядов, от которых мы и наши противники поспешили скрыться, не потеряв ни одного человека.

Мы скоро добрались до небольшой деревушки, полной матросами, отдыхавшими после боев.

Усталые заснули и мы.

Через часа три проснулись. Слышалась ужасная стрельба. С заспанными лицами мы выбежали на улицу и, очутившись в общем потоке революционных войск, пошли в атаку на станцию Александровскую.

ОТ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ДО ЦАРСКОГО

Впечатления от этой атаки остались у нас неизгладимые.

С удивлением мы смотрели тогда на новых красных боевиков, представлявших очень красочную группу.

С криком, без страха, мимо нас пробежал красногвардеец в щеголеватых ботинках, смокинге и шляпе, а сзади него несся оборванец-босяк. Дальше бежали двое рабочих, обросших бородой, в синих блузах и брюках чертовой кожи. За ними вприпрыжку поспевал пятнадцатилетний гимназист-комсомолец.

Ни один фронт, вероятно, не видел такого пестрого обмундирования.

За рабочими, делая огромные прыжки, кляня, по привычке, свет, апостолов и ангелов, бежали матросы.

До станции было уже недалеко. Уже отчетливо виднелись вагоны и бегавшие в панике люди. Шла тем не менее яростная стрельба, не останавливающая наступления красных.

С криками ворвались на станцию Александровскую. Белые, не выдержавшие натиска, бегут в Царское Село. Спотыкаясь о трупы лошадей и людей, лавиной преследуют их красные.

Всю дорогу до Царского Села красногвардейцы, не уставая, бежали бегом, догоняя разбитого противника, в панике бросавшего оружие. В беге, по дороге, натыкались на трупы, падали, подымались и, обгоняя друг друга, бежали вперед.

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Масса народа толпится у домов, но, к удивлению, нет нигде противника. Чуть где покажется вооруженный, сотня красногвардейцев бросается к нему и видит своего рабочего.

Местная беднота и солдаты царскосельского гарнизона ходили между нами, угощая, чем богаты, и указывая всех лиц, замешанных в поддержке белых. Таких тотчас же арестовывали.

ПО ДОМАМ

На станции—всеобщее ликование и подсчет трофеев. Помимо военного имущества, красными воинами захвачен целый эшелон подарков, присланных Керенским для казаков. Эти-то подарки, на упаковке которых красовалась лаконическая надпись: «Достойным», по иронии судьбы, достались красногвардейцам.

— Спасибо на добром слове,—можно сказать.

Подарки, состоявшие из баранок, колбас, орехов, табаку, организованно распределялись среди всех.

Довольные и сытые, к тому же получив известие об успешном подавлении восстания повсеместно, отряды стали собираться домой.

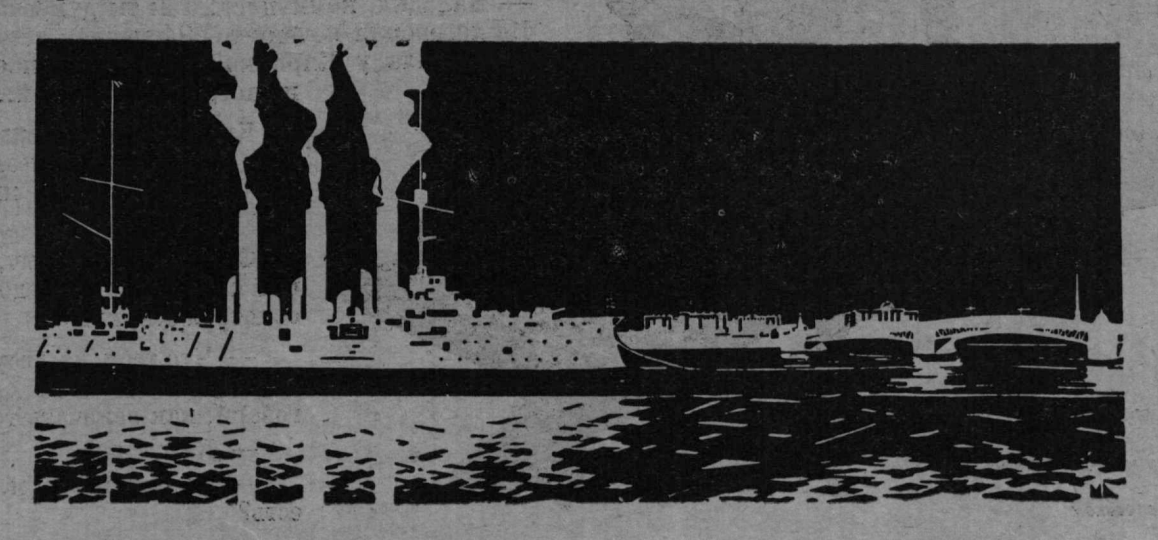
Около вагонов начальники настраивали своих подчиненных и с тщательной заботливостью их осматривали, так как многие вбили себе в голову, что раны показывать позорно.

Обнаруженных раненых здесь не перевязывали и, несмотря на их нежелание, отправляли в госпитали.

Вся дорога до Ленинграда прошла в шутках и разговорах. На вокзале встретил отец.

— Я рад, что ты живым вернулся с фронта. В райкоме некому дежурить, все удрали на фронт,—сказал он, довольный моим возвращением.—Идем.

И мы пошли.



И. Лукашин

Рис. А. Соколова-Аси.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

(Окончание)

III

Таращил глаза Кирилка. Не уложить все в голове. Перемешалось... Музыка, флаги, знамена, цветы, народ с кумачевыми бантиками...

Потом пушки охали. Красноармейцы с нарядными штучками на рукавах и груди проходили. Проходили... и Кирилке казалось, что все они смотрели на него с удивлением. Казалось ему, Кирилке, что они ровно спрашивали его глазами:

— И ты, Манухин, на праздник приехал?

На площади песни пели и площадь дрожала от сильных комсомольских глоток. Кирилке врезалось в память:

— За май мы боролись,
За май мы умрем,
Братишка веселый
Наш май с Октябрем...

За ними целый полк пионеров. Сверкали, брызгали радостью дня...

У Кирилки дух захватило.



Финоген Мироныч у печи казался ему необыкновенным человеком

На трибуне Наумов руками размахивал и опять Кирилке показалось—будто он показывает на него...

Иван Павлыч прошел с отрядом школьников, и его клетчатое лицо сияло улыбкой. Кирилка старался охватить все, что плыло перед его глазами. Какие-то люди по холсту забегали.

Крик выпустил из груди.

Кирилку вместе с другими усадили в автомобиль. Еще сильнее дух захватило. Как-будто во сне, когда он летал над деревней.

Целый день был в радости: сладкими пирожками кормили, книжку подарили. На книжке Ленин стоял и рука у него была в кармане, словно он хотел тоже Кирилке гостинец дать. Впился глазами. И чудилось ему, будто Ленин и говорит:

— Мы с твоим отцом знакомы. Вырастешь—коммунистом будешь.

Кирилка часто слышал от отца про Ленина. Отец называл его большим человеком, добрым...

В театре Кирилку усадили на первом месте. Видел он как на сцене рабочие революцию делали. Один из них на отца похож был. Точь-в-точь.

Веселый советский май остался в памяти на всю жизнь, а в эту первую ночь клокотал в груди и не давал спать, словно хотел разлиться, расцвести в нем самом. И минутами Кирилка жалел, что не было с ним отца и матери...

IV

После праздника Иван Павлыч сказал:

— Кондитером тебя сделать надо. Будешь сластюльки ребятишкам делать. Завтра сведу на место.

— А там есть коммунисты добрые?

— Учись-ка ты сам добру. Ячейка есть... Вечером в заводскую школу будешь ходить. Да, смотри, дурными делами не занимайся. Старший там стро-о-гий человек.

— А он кто—коммунист?

— Наладил, коммунист! Так ты думаешь...

Не договорил почему-то. Засмеялся весело.

Ночь была у Кирилки пестрая от наседавших на него ярких мыслей...

Кирилка в первый же день — листами железными заиграл, на которых пирожные пекутся.

Финоген Мироныч, пирожный мастер, с ног до головы осмотрел Кирилку.

— Что тебя из лесу, что ли, вытащили? — сказал он. — Ну, говори, как величать-то тебя?

— Кирилкой.

— Кирилкой! Гм... Отец есть?

— Тятька за Колчаком пошел, а мать померла. Семеном тятьку звали, а еще — коммунистом.

— Эге, да ты совсем из наших. Ну, Кирилл Семеныч, берись за листы. Будем говорить и дело делать. А то теперь, брат, насчет производства у нас... Поймешь через недельку—другую...

Листы чистить Кирилке показалось плевым делом. Подкидывал их, что музыкант медные тарелки... Вот, когда помадку приходилось сбивать—тогда потел Кирилка.

— С ребятами поразборчивей,—говорил Финоген Мироныч.—С хорошими водись, а плохих бегай. А то заведут не в свою—нехорошо получится.

— Я, дяденька, Интернационал знаю.

— Ну?!—умышленно удивлялся Финоген Мироныч.—Молодец. Вот так и учись полезным делам. Глядишь, какой комиссар из тебя выйдет—удивленье! Прямо спец красный будешь.

Вечером на другой день было собрание ячейки. Кирилка заглянул в дверную щель... Подбежал Антипка из булочного отделения.

— В очко играешь?—спросил он и тряхнул колпаком на голове.

— Не-е. Не знаю, какое очко.

— Пойдем покажу.

— Я боюсь.

— Нечего и бояться. Деньги есть? Ну, ножик перочинный? Эх, шкет ты, я вижу, деревня серая!..

Вдруг заслепило глаза... Как снежная метель, закружилась пыль мучная. Кирилка высунул язык, отплевывался и долго не мог понять в чем дело. А сзади гоготали голоса:

— Спыльни еще первачком-то! Хорошенько, скворца его новгородского!

Кирилка от мучной пыли походил на балаганного петрушку. Смешной вид вызвал новый торжествующий смех. У Кирилки поселилась мысль, но жаловаться не стал.

Занятно Кирилке: Финоген Мироныч у печи казался ему необыкновенным человеком. Лопатка у него, что локомотив паровозный: вперед и назад, вперед и назад... Визжит смехом.

— Подбирай!—кричит Финоген Мироныч.

И тогда лицо у него серьезное, как у атамана, а на лбу капли пота, как желтая смородина.

Кирилка в кожаных рукавицах подбирает листы с печеньем, пирожными, бисквитами...

Подвернулся Антипка с угрожающим кулаком. Кирилка, как коршун, налетел на Антипку с горячим листом. Ахнул по голове. Вырвался из рук лист и зазвенел по полу. Приплюснулись пирожные. Напугался Кирилка. Оглянулся. Финоген Мироныч стоял к нему задом и почему-то задержался с лопаткой.

— Дяденька!—заикнулся Кирилка.

— Ничего, пожрут буржуи,—понял оправдывающуюся мысль Финоген Мироныч и добавил:

— В прежнее время мне за это самое скалкой по мягкому месту вливали. А теперь, вишь, дело-то... а все потому—власть, милый, наша. Счастливый ты, Кирюшк.

Поглядел на него так глубоко—до самой души добрался.

— В карман не кладешь с собой?—строго спросил Финоген Мироныч.

— Нет, дяденька.

— Смотри, не делай этого. Тут сколь хошь ешь, а наружу не таскай. Убыток государству и бесчестие—и тебе, и мне.

Финоген Мироныч говорил с ним в промежутки, когда целая садка с пирожными дожидалась выхода из накаленной печи.

— Шалунов у нас много,—заводит Финоген Мироныч.—А ты в пример будь, сознательным. Отец-то у тебя коммунистом, говоришь, был? Ну, вот и будь, так сказать, заместителем его...

Знакомое слово. Так и резануло по сердцу. И выплыл он в сознании Кирилки с большими усами, которые с улыбкой шевелились, как ласковые золотые ужи.

— Дяденькой не зови... Лучше—Финоген Мироныч. Нехорошо дяденькой. Режимом пахнет. А мне этот режим—знаешь где?... вспоминать не хочется.

— Какой это режим?

— Ну его к чорту! Не знаешь и хорошо.

— Вста-ва-ай!—затягивал Финоген Мироныч.

Щелкали печные дверцы.

— Подбирай, Кирилл Семеныч!—срывался с места мастер.

По пекарне зеленый дым расстилался. Потрескивали горячие листы.

— Подбирай, милый. Детишки в приюте похрустуют. Вот она жизнь-то какая—мали-ина, сынок.

Прокопченое от жары и сажи лицо Финогена Мироныча светлело. Он становился веселым и мягчел, как вынутый из печи хлеб.

— Ты, когда будешь комиссаром, в гости-то придешь ко мне? Пожить бы еще годков с десяток... Посмотреть, что вы за правители будете. Ну, как, придешь?

— Приду. А в очко можно играть, Финоген Мироныч?

— Это как, нахватался уже? Ну, в таком разе, я с тобой не разговариваю теперь. Баста, Кирилл Семеныч. Наверно Антипка, стервец, научил?! Ну-ж и малый, чтоб ему ситник горячий в глотку. Выиграл или выставку дали?

— Я только посмотрел.

— А-а, тогда другое дело. Руку, Кирилл Семеныч. Жму, как честному пионеру. Не ходи и смотреть. За это и при старом режиме не хвалили, а теперь и подавно. Ты вот что—жарь ка сегодня на собрание. А я скажу там вожаку... Он тебя и зачислит.

— Вста-ва-ай!....

V

Жизнь Кирилкина потекла ровно. Днем работал, вечером ходил в заводскую школу. Кирилка знает теперь, что такое Интернационал, знает русских вождей и Маркса. Еще знает он — пионерские заповеди, дисциплину и вожака товарища Ясного. Немного туговато приходилось с математикой, и учитель иногда говорил:

— Отсырели мозги-то у тебя в лесах новгородских...

Кирилка слегка обижался и на себя, и на учителя. Ходил к Ивану Павлычу и жаловался на эту науку.

Однажды в школе получился скандал. Антипка устроил каверзу. Он подставил ему ножку и Кирилка растянулся на полу, как лягушенок. Кирилка не стерпел и запустил в него чернильницей. Чернильница угодила учителю в лоб. Не разобравшись, кто виноват, учитель поставил вопрос об исключении Кирилки. Нашлись такие товарищи, которые доказали его невиновность. За ними потянулся весь класс и его снова оставили. Кирилка стал героем. С тех пор он приобрел себе товарищеское уважение и только вожак Ясный пожурил Кирилку:

— Надо было в президиум заявить, дурак, а не драться, как извозчик.

—А я его не трогал наперво. Будет драться,— еще подолью.

Такой ответ понравился товарищу Ясному. Он добавил:

— Придется этого Антипку попросить из отряда.

Еще больше налился завистью Антипка. Он подговаривал ребят устроить ему баню, наушничал...

— Тачки, сволочь, возит, вот и живется ему, как коту,—кляузничал Антипка.

Лентяйничал Антипка, фордыбасил и продолжал заниматься гадостями. Проделки его не прошли незаметно: Антипку из отряда исключили на год.

Исключение подействовало мало. Проходил мимо Кирилки со злобой и шипел:

— Вот ужо угощу тебя веселкой по кумполу.

Работал Кирилка прилежно. Приходили из охраны труда. Говорили с Кирилкой. Что-то записывали. Врач приходил, тоже говорил. Раздеваться просил. Кирилка краснел, раздеваясь.

— Ну, Манухин, будь и умом такой же крепкий, как телом. На физкультуру ходишь?

— Хожу, товарищ доктор.

— Да-да, ходи. Не пропускай: еще будешь крепче.

Заканчивался сезон ягодный. Кирилка с Финогеном Миронычем варили варенье, цукат и делали заливку ягод. Антипка не утерпел: подкрался и вымазал ягодным сиропом Кирилкино лицо. Завязалась борьба. Антипка был поувертливее, Кирилка погрузнее телом. Оба сопели, обливались потом. Кирилка выждал минутку и смял под себя, как медвеженок. Антипка запищал, точно цыпленок.

— Не буду! Ей-богу не буду,—вырывался он.

Антипка ушел опозоренным под звуки железных листов, барабанный стук скалок и отчаянный свист подростков.

С тех пор Антипка перестал лезть к Кирилке. Кирилка, кроме помадки, тянучки оттягивать научился. Глазиром рисунки наводит. Звезду или серп с молотом—момент один, горит все... С мастером, как с отцом родным. Вместе и миндаль в ступке трут. Были и еще ученики, но Финоген Мироныч любил миндаль тереть с Кирилкой.

— Держи крепче,—говорил он.—Крепость теперь во всем должна быть. Семь лет правим... Отдохнуть бы старикам-то надо,—подзадаривал он.—Ты, небось и не заглянешь ко мне, когда мастером или заведующим будешь? А я страсть не люблю, кто нос задирает.

— Зайду, Финоген Мироныч,— обиженно говорит Кирилка. — И в чайную пойдем.

— Ой-ли?! Руку, Кирилл Семеныч. Спасибо, милок, за дружбу. Давай споем, что нибудь. Затягивай, какую знаешь. Теперь все новые песни-то. Раньше мы, бывало пели:

«Бедняк булочник работал,
Пыль глотая,
весь в поту...»

— Трогательная песня... Приятель мой сочинил ее. Кирилка затягивал комсомольскую и Финоген Мироныч слегка подпевал жиденьким баритоном.



Доклад делал Кирилка в клубе

VI

Зимой в клубе происходили занятия. Кирилка принимал деятельное участие во многих кружках и больше всего он уделял внимания технико-производственному кружку. Он любил копаться в моделях. Это ему удавалось. В красном уголке стояла сделанная им модель кондитерской печи с ее деталями. Печь была со стеклянными сводами из слюды. По его мнению, от этого прибавлялось жара и поэтому можно было меньше расходовать топлива. Еще печь его имела то преимущество, что она была на роликах и при желании ее можно было переставлять с места на место.

Кирилка готовился сделать еще какую-то машину. Эта работа целиком захватила его. В свободное время он вооружался картоном, клеем, фанерой, перочинным ножом и карандашом.

— Хозяйственник из тебя, я вижу, здоровый выйдет,—с удовольствием говорил Финоген Мироныч.—Слышал я, что ты того... политэкономию учишь. Ну-ка скажи, что такое капитал? Давай отдохнем. Я покурю, а ты говори.

Финоген Мироныч садился на мешок муки, закуривал, прищуривал глаза и ждал ответа.

— Ну, чего-ж ты? Аль забыл? С Васькой Жмыриком шаландаешься, вот и забыл. Смотри, выведет он тебя огурцами стрелять.

— Нет не забыл,—гордо отвечает Кирилка.— Капитал это.... ружье производства,—вспомнил он.

— Ха-ха-ха!—заливается добродушным смехом Финоген Мироныч.—А деньги?

— Деньги... это вроде товара, знак такой.

— Руку Кирилл Семеныч.

Приходил заведующий предприятием, старый партиец, Сергей Петрович Зургалин.

— Ну, как у тебя Кирилка,—справлялся он у мастера.

— Вот насчет политики толкуем. Да уж ты не беспокойся: сделаю тебе из него настоящего работника. По всем статьям... Парень растет надежный...

— Ну, старайся, такое дело. Скоро, наверно, комсомольцем будешь?!

Зургалин, перекинувшись несколькими фразами, быстро покидал мастерскую.

— Да-а... А все-таки подзубри еще,—продолжал Финоген Мироныч. — Мне теперь и умереть можно спокойно. Люблю я тебя Кирюшк...

Кирилка развивался и физически и духовно. Как-то на собрании ячейки ему поручили сделать доклад о производстве своей мастерской. Снабдили конспектами, подрепетировали малость и дали еще двухнедельный срок для подготовки.

Доклад делал Кирилка в клубе. Собралась вся комсомольская ячейка. Пришли и свои рабочие. Вышел на сцену, неловко... Сначала путался в словах. Подсказывали. А потом пошел, как паровоз. Со лба потные капли бежали. Дыхание было прерывистое. Кончил хорошо, но как-то рывом, ровно оборвалось в груди. Кирилка утонул в аплодисментах. убежал, не помня себя. Когда жар прошел, вспомнил, что и Финоген Мироныч был. Подумал:

— Хитрый этот Финоген Мироныч.

Подошел Иван Павлыч. Ровно сговорились все. Сказал с улыбкой:

— Отца жаль нет... Поздравляю. Не зря он пустил тебя на свет. Продолжай...

Дома вспомнил слова отцовские:

— Славный будешь заместитель.

Загорелось лицо... Понятно стало, только теперь, когда Кирилка пробыл в отряде два с половиной года.

— Через три месяца пятнадцать лет будет,— думал Кириллка. И за этими мыслями потащились другие.

— В деревне жить не буду. Ну ее... Хату отдам под избу-читальню. Скажу Ивану Павлычу, он устроит. В мыслях пожалел Федьку Курносого, Капитонова сына. Часто видит его на базаре с отцом. В кушаке зеленом. Отец туши скупает, а Федька у воза стоит, обманывать приучается.

— Спекулянт будет, — рассуждал Кирилка. — Никакой у него жизни нет...



Собралась вся комсомольская ячейка

VII

В городе снова готовились к празднику. Весна подкатила незаметно. Нынешняя весна оделась в лучший наряд. Веселая, ласково-спокойная весна...

В городе пыхтел один грузовик. За ним резал улицы неуклюжий паровичек, на подобие трамвая. В эту весну понаехал рабочий люд за отдыхом, за целебным соком доброй весны...

В конце города был старинный парк и курорт. Оттуда неслись бурные звуки музыки, сливаясь с Кирилкиной радостью.

В парке звенело солнце. Иван Павлыч вместе с Кирилкой и пионерским отрядом расположились среди парка на густой траве. Дети бегали, возились в песке, чертили палочками:

Ленин... Всегда готовы.

Иван Павлыч рассказывал детям о прошлых днях, передавал им минувшую жуткую быль. Говорил о будущем еще более сказочно-заманчивом.

— Завтра?—спросил о чем-то Иван Павлыч Кирилку.

— Да, — ответил он, а в груди так и заколотилось.

Иван Павлыч многозначительно посмотрел на Кирилку. Кирилка весь ушел в думы. Проносились воспоминания, как перелеты птиц. Из шершавого, от прежних деревенских дней, Кирилка выпрямился, порозовел, а в глазах были видны бодрость и сила. Сила, с которой теперь ничего не страшно. Не страшно и Капитона, этого мироеда, и его Федьки.

Все побледнело, стерлось нынешними днями...

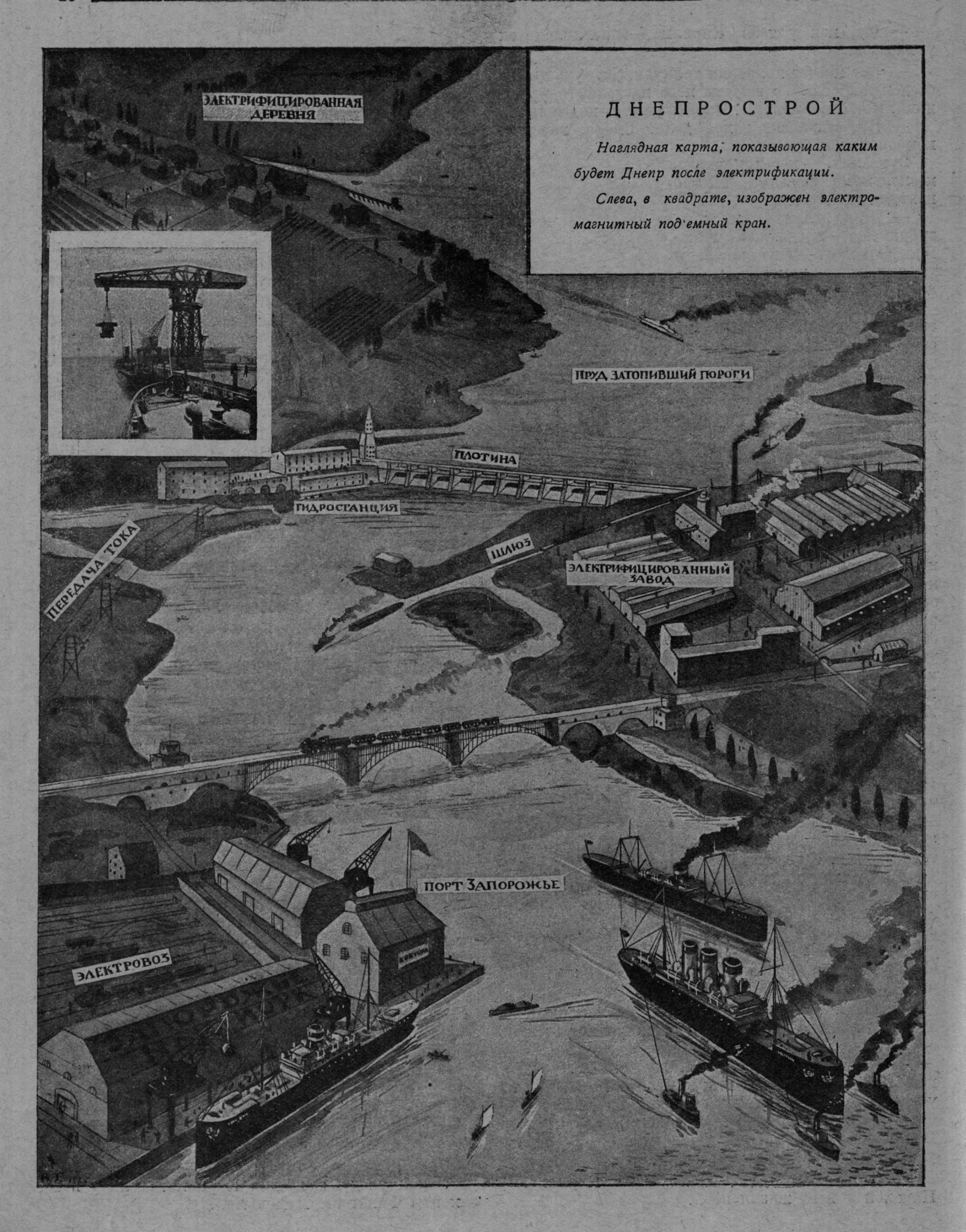
Кирилка переживал незабываемый день. Вечером торжественно ему вручили комсомольский билет.

С трепетом побежал к Ивану Павлычу сообщить о своей радости.

— Ну вот и продолжай отцовское дело,—сказал Иван Павлыч.—Ты теперь вполне можешь быть его заместителем...

Над городом звенело солнце. Кирилка шел к Финогену Миронычу и не замечал людей. Финоген Мироныч лежал в курортной больнице и ждал Кирилку. И он пришел. Пришел, чтобы облить его радостью, и доказать, что он, Кирилка, не забыл его.

Утром следующего дня Кирилка, стоял у печи, заменяя Финогена Мироныча...



ДНЕПРОСТРОЙ

Наглядная карта, показывающая каким будет Днепр после электрификации.

Слева, в квадрате, изображен электромагнитный под'емный кран.

Вл. Якубович

Днепрострой

Громаднейшая река—третья по величине в СССР—Днепр, до сих пор не может стать тем проводником развития культуры и техники, каким ему надлежит быть в крае, изобилующем полезными ископаемыми: каменным углем, железными и марганцевыми рудами и представляющими собой богатейший район по урожаю пшеницы.

ДНЕПРОВСКИЕ ПОРОГИ

Виной этому служат днепровские пороги, что растянулись на 61 версту и создали непреодолимую преграду для судоходства.

Пороги представляют собой широкие каменные валы, которые протянулись от берега до берега по всей реке и, кроме того, усеяны сверху грудами камней.

Всех порогов девять, и из них самым большим является пятый по счету, в 39 верстах от Екатеринослава, Ненасытецкий, состоящий из семи лав (каменных валов), из которых последняя, так называемая «Белая лава», представляет собою 12 гряд камней. Падение воды здесь очень крутое, да, кроме того, под правым берегом скучена масса камней.

Пороги, разрезая Днепр на две части, заставляют Верхнеднепровье развиваться совершенно отдельно от Нижнеднепровья, и те руды, тот каменный уголь, тот марганец и пр., которыми так богато Нижнеднепровье, идут кружным путем, удорожаясь во много раз, к потребителю—металлургическим и химическим заводам Верхнеднепровья.

Если бы не было порогов, то пароходы, груженые пшеницей в Запорожье, могли итти прямо в Америку, а не грузиться в мутных водах Одесского порта, куда теперь приходится привозить хлеб тем же кружным железнодорожным путем из Верхнеднепровья.

Из всего этого видно, насколько пороги мешают экономической жизни и возрождению страны.

Сама жизнь диктует их уничтожение. Надо прочистить русло реки. Уничтожить это препятствие. Затопить, упрятать глубоко под воду каменные уступы. Сделать судоходным Днепр на всем его протяжении. Дать возможность Донецкому углю беспрепятственно приходить к украинским заводам, а не делать кружные сотни и тысячи верст сухим путем.

ПОРОХ ПРОТИВ ПОРОГОВ

Сто двадцать шесть лет тому назад были сделаны попытки улучшить ход через пороги. Полковник Фалеев получил приказ от князя Потемкина «расчистить» реку. Взявшись с жаром за выполнение приказания, вояка сразу применил против порогов «порох», и... потерпел поражение. Порохом удалось с большими трудностями взорвать только несколько камней, затруднявших свободный проход судов, и на этом работа закончилась.

Несколько раз после этой неудачной попытки поднимался вопрос о порогах, делались изыскания, разведки, писались томы «проектов» и «планов», но дело осталось на месте.

2.000.000 р. ЗА НЕГОДНЫЕ КАНАЛЫ

Наконец, в 1843 г. царское правительство раскачалось и отпустило средства на работы по улучшению судоходства в порогах.

По проекту предполагалось устроить во всех порогах каналы шириною в 15 саж, а глубиною в 6 футов. Работы были окончены в 1856 г., ухлопали на них 2.000.000 р., но толку вышло очень мало.

На восьми порогах было сооружено 9 каналов. Все каналы проводили под левым берегом и образовывали как бы «Новый ход», который оказался никуда негодным. Каналы вместо 15 саж. были шириной в некоторых местах меньше 10 саж., а углубление сделали не 6, а $3^1/_2$ фута. Благодаря недостаточной широте и громадной скорости течения, судно, чуть уклонившееся от середины канала, быстро разбивалось о гранитные стены его. Да и вход в канал постоянно засорялся камнями и поэтому даже ввод судов был небезопасен.

Были еще проекты, которые предлагали поднять уровень воды Днепра, чтобы запрятать пороги под воду, но тогда запротестовали помещики, земли которых должны были покрыться водой при повышении уровня реки, и этот проект утонул в канцеляриях министра путей сообщения.

Только теперь, при Советской власти, вплотную подошли к разрешению этой вековой задачи, и уже разработан грандиозный план шлюзования и электрификации днепровских порогов, так называемый, Днепрострой.

ЧТО ТАКОЕ ДНЕПРОСТРОЙ?

Виднейшие специалисты во главе с проф. И. Г. Александровым после долгих изысканий составили проект шлюзования Днепра с таким расчетом, что река не только станет судоходной на всем ее протяжении, но и даст возможность электрифицировать фабрики и заводы на несколько сот верст кругом, а также зальет электрическим светом села и деревни Украины и повысит урожайность земли правильной обработкой их электрическими сельскохозяйственными орудиями и машинами.

Ниже порогов, у селения Кичкас, предполагается построить гигантскую плотину длиной в полтора километра, которая, запрудив Днепр, поднимет уровень воды на 37 метров.

Таким образом, благодаря плотине создается пруд протяжением от Кичкаса до Екатеринослава. Глубина этого пруда будет настолько велика, что на самом мелком месте она равняется 5,34 метра и поэтому все пороги окажутся затопленными. Это позволит судам беспрепятственно проходить там, где

шумели водовороты и громадные баржи разбивались о торчащие из-под воды камни.

Рядом с плотиною, у левого берега, решено устроить шлюз, т.-е. канал с перегородками, которые разделят его на четыре камеры. Через шлюз будут проходить суда, идущие с верхнего участка Днепра в нижний и обратно. Пароходы и баржи будут входить в камеру, закрываемую потом воротами, воду выпустят до уровня горизонта со следующей камерой. Затем суда проходят через вторую, третью и четвертую камеры. Суда к шлюзу будут подтягиваться четырьмя мощными электровозами.

СИЛА ТЕКУЧЕЙ ВОДЫ В ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Так как текучая вода представляет собою движущую силу, то эту энергию превратят в электрическую. Для этого на правом берегу реки в продолжении плотины будет построена гидростанция (водяная).

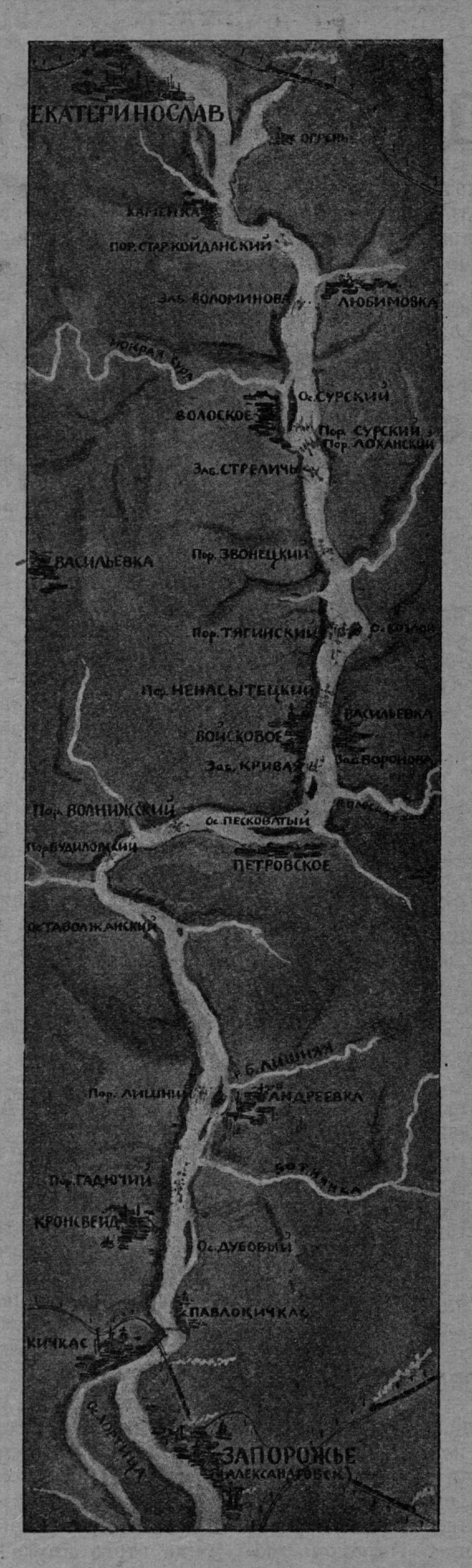
Вода, сдерживаемая плотиной, по особым трубам будет входить в электространцию.

В нижнем конце этих труб, шириной в шесть метров каждая, устроены огромные турбины, вращающиеся напором воды. Таких турбин предполагается установить шесть. Каждая турбина сможет развить энергию в 50.000 лош. сил. Особыми машинами эта энергия превратится в электрическую.

Ток, выработанный гидростанцией, собирается на двух распределительных станциях, которые, будучи расположены по обеим сторонам Днепра, позволят электрифицировать фабрики и заводы Екатеринослава, Никополя, Кривого Рога, Запорожья, Каменского и даже Харькова.

ЧТО ДАСТ ДНЕПРОСТРОЙ

Промышленность Украины, электрифицированная дешевым электричеством, разовьется, а шлюзование Днепра позволит вывозить продукцию не кружным путем по суше, а прямым и, следовательно, дешевым — по воде.



КАРТА ДНЕПРА

от Екатеринослава до Запорожья

Выполнение всех работ Днепростроя обойдется в 130.000.000 рублей. Эти деньги окупятся в ближайшие годы и, кроме того, принесут колоссальную прибыль. Дешевая электроэнергия позволит вырабатывать алюминий, который мы вынуждены закупать за границей. Задержанная плотиной вода, разлившись по оврагам и балкам, не только приблизит водный путь к богатым сельскохозяйственным районам, но и повысит урожайность земли, страдавшей до этого от недостатка влаги.

НОВАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Помимо постройки шлюза и гидростанции, в состав проекта работ Днепростроя входит еще сооружение железнодорожной линии Демурино — Запорожье—Марганец, которая соединит кратчайшим путем Донбасс с месторождениями марганцевой руды и главнейшими промышленными центрами Украины. Этот путь перекинется через Днепр по двум мостам.

ЗАПОРОЖЬЕ—НЬЮ-ИОРК

Когда первые работы Днепростроя закончатся, начнут возводить вторую плотину у г. Никополя. Повышенный таким образом уровень реки позволит устроить у г. Запорожья морской порт, где морские суда смогут грузиться зерном и др. экспортными грузами и итти прямо до Нью-Йорка. Кроме того, мощная гидростанция расширится до 650.000 лош. сил.

Все эти работы предполагается закончить через шесть лет и они займут до 15.000 рабочих.

Работы Днепростроя начнутся в 1926—27 г. г., так как до этого времени нужно еще раз проверить все данные, добытые исследовательскими комиссиями, чтобы начать работу, зная все особенности Днепра, его берегов и порогов.



Антан

Как сделать салазки?

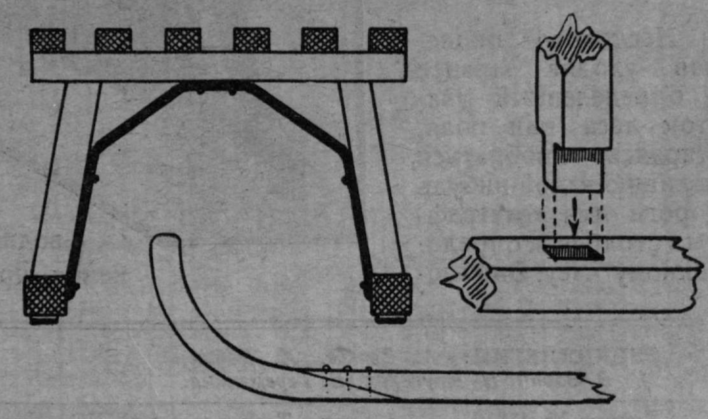
РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ САНЕЙ

Простейшим видом саней, если вообще можно назвать их санями, являются ледянки. Ледянка—это старое решето с обмазанной навозом сеткой. Навоз, политый водой и выставленный на мороз, замерзает. Внутрь ледянки обыкновенно вкладывают рогожу или старую тряпку, на которую садятся. Ледяную корку навоза изредка поливают водой, которая, замерзая, делает ледянку гладкой. Этот несложнейший инструмент принадлежность деревенских ребятишек зимой. Гора, около деревни, обычно раскатывается ногами и ребята катаются с ней на ледянках, которые доставляют им громадное удовольствие. Так как ледянка бесформенна—то она вертится, а ребята заливаются смехом над своими товарищами, которые стараются толчком ноги повернуться лицом вперед, чтоб не свалиться, чем в большинстве случаев кончается спуск с горы. Ледянки сооружают и из нескольких досок, сбитых вместе и потом залитых водой, образующей толстую корку льда.

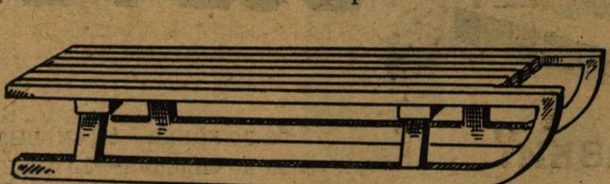
ПОСТРОЙКА САЛАЗОК

Для постройки надо подготовить материал. Лучшим являются ясневые планки, которые можно заменить сосновыми, если нет первых. Кроме планок, нужны: полоса упаковочного железа, гвозди (лучше винты) и две полосы железа для подрезов. Самая сложная в постройке салазок задача,—это выгнуть две планки, концами вверх для передка полозьев. Если планки без сучков и выпилены и выстроганы по слою, то их можно гнуть над паром. Для этого в сосуд наливают кипяток и над ним кладут планки. Когда планки распарятся, их гнут, нажимая на один из концов, если сгиб поддается, то дальнейшая работа может выполняться уже с помощью веревки. Конец планки связывается с серединой так, как связывают лук. Веревка постепенно все туже подтягивается, по мере того, как гнется дерево и оставляется до тех пор, пока планки не засохнут в согнутом положении. Можно приделать сгиб выпиленный, но он гораздо слабее и может легко сломаться от сильного толчка. Во втором случае выбирается доска с криво идущими слоями и из нее выпиливается дужка. Ребята, с которыми мне приходилось сталкиваться, делали дужки из обыкновенной ломовой старой дуги, которую они доставали на постоялых дворах или дровяных складах. Дужку надо соединить с планкой полоза на прямой, ближе к переду салазок. (См. рисунок).

Когда две основные деревянные планки-полозья готовы, их надо почистить рубанком и стеклом. Полозья должны быть достаточной ширины и толщины для того, чтобы можно было врезать в них четыре упора поддерживающих планки сиденья Размеры маленьких салазок для одного человека такие: длина всего полоза — 85 см.; от сгиба до конца—52 см. высота от полоза до сиденья—15 см. ширина между полозьями—23 см. Ширина планок зависит от материала, если материал хорош (ясен), то можно брать более тонкие, значит, и более легкие планки. Средняя толщина 3,4 и 5 см. В полозьях надо вырезать по два гнезда на каждом для укрепления стоек. Гнезда надо делать четырехугольные, глубиною 2—3 см. Можно делать и сквозные. Стойки надо аккуратно выпилить и пригнать к полозьям, поставив на клей шипы (см. рисунок), входящие в гнезда. Высота стойки 15 см. Другим концом своим стойки соединяются также шипом с упором, связывающим оба полоза между собой. На поперечные упоры набиваются планки сиденья. Крайние планки тоже шипом врезываются в загнутые концы полозьев. Планки хорошо привертывать к упорам шурупами, а не прибивать гвоздями. Спереди оба полоза надо соединить тонкой планкой, к которой при езде привязывается веревка. Для крепости упор с стойками надо подбить снизу полосовым железом. Обыкновенные полосы, употребляемые для затягивания кип товара, легко гнутся и пробиваются гвоздем. Ими надо скрепить остов санок от раска-



чивания. Край полосы привертывают к полозу, потом укрепляют шурупом на стойке, загибают полосу и прибивают ее к упору, потом опускают по стойке и прикрепляют конец к другому полозу. Полозья надо подбить подрезами. Можно использовать такое железо и для укрепления, но лучше достать более толстое. В полосах подрезов надо просверлить углубления для головок винтов или гвоздей на такую глубину, чтобы головки не выступали. Аккуратный и сметливый пионер сможет сделать санки очень хорошо. Помните, надо делать санки прочными, так как им придется покряхтеть под вами на хорошей горе.



ИГРЫ НА СНЕГУ

К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Несколько звеньев отряда направляются из разных концов к заранее условленному месту, везя с собой сани с мешками продовольствия. Придя на место, звенья ищут заметку, указывающую путь к Северному полюсу. По указанному пути, направляясь дальше, звенья встречают медведя (заранее посылаемых пионеров), с которыми они вступают в борьбу снежками. Медведь должен быть осален снежком три раза, после чего считается убитым. Один снежок медведя, попавший в пионера из звена, убивает его. Такой пионер должен прекратить путь и вернуться назад. Оставшиеся „в живых" пионеры продолжают путь. То звено, которое первым придет к Северному полюсу, считается выигравшим и водружает там флажок звена.

ШПИОНЫ В КАРЕЛИИ

Несколько пионеров уходят заранее в определенный участок леса или поля, стараясь пробраться за линию какой-нибудь дороги или телеграфных столбов к определенному часу. Они изображают шпионов, переходящих границу. Отряд должен итти по их следу, догоняя и ловя или „убивая" метким снежком. Задачей отряда является переловить или „убить" шпионов до тех пор, пока они не успеют перейти границу. Шпионы также могут вступать в бой, и догоняющие пионеры выходят из строя после попадания в них снежком шпиона.

СИБИРСКАЯ ОБЛАВА

Играет звено. Один пионер изображает медведя. Он заранее уходит и прячется где-нибудь за горой, за сугробами снега и готовит снежки. Через 5—10 минут звено отправляется по его следам.

Задача звена—убить медведя, 5 раз подряд попав в него снежками. Задача медведя—запутать следы и спрятаться так, чтобы его не нашли в течение 15—20 минут. При встрече один снежок медведя выводит из строя охотника.



МИШЕНИ

Играют два звена. По свистку оба звена стараются скатать снежный ком, как можно большего размера. По второму свистку оба кома устанавливаются на снегу; а по третьему свистку каждое звено старается снежками разрушить ком-мишень своих противников. Выигрывает то звено, которое раньше другого сумеет разрушить мишень. Надо стараться скатать как можно больший ком, чтобы противникам было труднее его разрушить.

КАКОЕ ЗВЕНО ДАЛЬШЕ

Два звена катаются с горы. Каждый пионер должен стараться проехать как можно дальше. После трех раз самый дальний скат каждого пионера меряется лыжей и все промеренные скаты пионеров одного звена складываются. Выигрывает то звено, у которого наберется большая общая длина скатов.

ПОД'ЕМ НА ГОРУ

Два звена выстраиваются у подножия горы. По свистку все стараются, как можно скорее, подняться на лыжах на гору. Выигрывает то звено, которое целиком и раньше другого заберется наверх. Можно помогать друг другу. Но раз поднявшись, спускаться для помощи нельзя.

Многие летние игры можно прекрасно проводить на снегу, конечно, внеся соответственные изменения, приспособив правила к сезону.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин, Н. Крупская, Е. Теремякина.*

ОТВ. РЕДАКТОР *Х. ДОБИН*

Главлит № 47610 5-я тип. „Транспечати" НКПС „Пролетарское Слово", Южный пер., д. 4. Тираж 30.000.

Кому какие нравятся значки и почему
(см. стр. 2-ую обложки)

худ. Иванова. Здесь изображен пионер, полный энергии и отваги. Он готов исполнить все заветы Ильича и его молот не скользит по поверхности огня революции, а бьет в самый центр. Вверху над всей этой картиной ярким пламенем горит звезда, которая укажет путь к достижению заветной цели юному пионеру. Да здравствует значок работы худ. Иванова!"

Пионерка 59 отряда Е. К

Целые отряды разбирают все детали и находят их удачно исполненными

„Мы, пионеры г. Троицкосавска, отряда № 5 им „Розы Люксембург", высказываемся за значок работы тов. Иванова. находя его более красивым и более отвечающим требованиям, которые нужны для пионер-значка. На значке будет видно то, что пионер, который здесь изображен, всегда готов итти по заветам Ильича, могила которого напоминает ему об этом. Затем, твердо держать в своей руке красное знамя — символ борьбы — и готов зажечь пламя революции во всех пяти частях света, о чем напоминает ему костер, пламя которого горит на пяти поленах, и — что пионер готов закрепить союз рабочих и крестьян и рассеять тот мрак невежества и темноты, который изображен художником на дальнем фоне".

Д. ЗАЛИВИН, М. КУЗЬМИНСКИЙ, А. ШУБИН

О значке художника Мадорова (первого) только одно мнение самое поверхностное

„Значок лучше всего мне понравился худ. Мадорова 1-го".

Пионер ДМИТРИЕВ

Значок художника Мадорова 2 го, внизу, в черной рамке, получил 6 мнений довольно содержательных

Гор. Моршанск, Тамбовской губ.

„Мы, пионеры отряда № 8, имени Л. Б. Каменева, собравшись в клуб 15-го сентября, стали просматривать значки в только что присланном № 16 журнала „Пионер". После внимательного обсуждения все мы пришли к заключению, что значок, нарисованный Мадоровым 2 м, лучше нравится нам потому, что он имеет старую форму значка, во вторых, он маленький, не бьет в глаза, как первые два рисунка, и наше убеждение, что значок, предложенный Мадоровым 2-м, лучше всего подходит к пионерам".

Отряд № 8 им. т. Л. Б. КАМЕНЕВА
при станции Моршанск, Сызрано-Вяземской жел. дор.

Вот как отозвались ребята о значках. Решение центрального бюро будет опубликовано в скором времени.



Задача „ХОД КОНЯ"
(В. СЕЦИНСКОГО)

Ходом коня прочитать лозунг.

иу	ре	за	ни	ан	ер
ра	ес	ию	ст	бе	ме
ми	мен	рь	еиу	он	зн
ил	боч	зна	як	бо	ело
ию	тс	ав	еед	ни	пи

ШАРАДА
Д. Леохина

Первый слог две буквы вместе,
Восемь остальных больному производят,
А **в целом** путь к социализму.

Шуточные вопросы

1. С какой буквой надо соединить часть тела, чтобы получить металл?
2. Какие три предлога составляют богатство крестьянина?
3. Часть какой буквы нельзя обозреть глазами?
4. О ком можно говорить одними нотами?

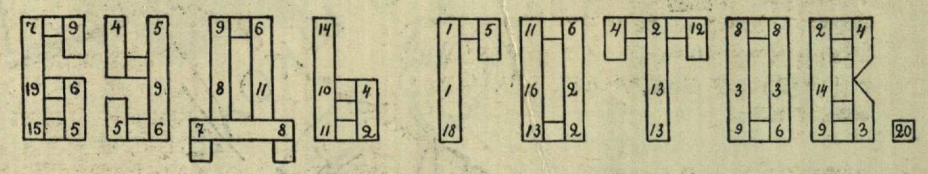
РЕШЕНИЯ задач, помещенных в № 16

Шуточные вопросы

1 На—р—яд.
2 Пол—и—карп.
3. В—о—ля.
4. В—о—рот.

Задача. СОСТАВЬ ЛОЗУНГ.

Из частичек составляется лозунг „Будь готов", в горизонтальных рядах которого, по замене суммы чисел каждой буквы буквами алфавита читаем лозунг: „**Пионер спешит на смену комсомолу**".



Решение задачи „Составь лозунг"

Подробное пояснение:

Буква 16—**П**, 9—**И**, 15—**О**, 14—**Н**, 6—**Е**, 17—**Р**, 18—**С**, 16—**П**, 6—**Е**, 25—**Ш**, 9—**И**, 19—**Т**, 14—**Н**, 1—**А**, 18—**С**, 13—**М**, 6—**Е**, 14—**Н**, 20—**У**, 11—**К**, 15—**О**, 13—**М**, 18—**С**, 15—**О**, 13—**М**, 15—**О**, 12—**Л**, 20—**У**.

АЛФАВИТ: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ы, Ь, Э, Ю, Я.

Правильные решения прислали:

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ: Афанасьев Л., Брагинский М., Железников К., Нардов Н., Прядильщиков В., Тарасов Е., Ухова Л., Шарапова С., Шмырлин М., Юрина А.

СОСТАВЬ ЛОЗУНГ: Карасев М., Рябов Н., Щурина О.

ОТВЕТЫ

Гуськову А., Колпакову Б., М. Л., Лещинской М., Пименову, Приходько А., Первомайскому В., Росливкер Б., Тужикову, Шер Б. Присланное не пойдет.

ВСЕМ. Каждому отвечать нет возможности, а поэтому по ответам следите сами, где ваши ошибки. При присылке задач для помещения, прилагайте и решение их.

Цена №-ра 30 коп.

